

Анастасия Вячеславовна Дробина
Большая книга приключений
охотников за тайнами
Серия «Большая книга приключений»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12211012
Дробина, Анастасия Вячеславовна. Большая книга приключений охотников за тайнами : повести. : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-77508-8

Аннотация

«Операция «Анти-вуду»

Компания Юльки Полундры всегда находит себе приключения. Вот и теперь друзья в обычной электричке спасли от хулиганов экзотическую красавицу по имени Тереза. Только таинственная попутчица неожиданно сбежала, забыв рюкзак со статуэткой Барона Самди, бразильского бога мертвых! Ребята отправились на поиски новой знакомой, и тут все смешалось в кучу – ночные перекрестки, столярные работы, капоэйра, вуду... Но если рядом настоящие друзья, любые трудности можно преодолеть!

«Клад из сумочки»

Оказаться как две капли воды похожей на девушку, умершую сто лет назад, – чем не сюжет для фильма ужасов? Но отчаянная пятерка друзей любой ужастик превратит в веселые приключения. В Москве и у моря, на стареньком мотоцикле и с поливочным шлангом в руках – команда Юльки Полундры готова дать отпор и дружелюбным привидениям, и современным бандитам, и надменным богачам. И ни одна загадка – ни старинная, ни нынешняя – не устоит перед их находчивостью!

Содержание

Операция «Антивуду»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анастасия Дробина
Большая книга приключений
охотников за тайнами (сборник)

© Дробина А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Операция «Антивуду»

А как хорошо начинались выходные! Душа радовалась... Накануне, в пятницу, на совещании у Юльки Полундры всей компанией постановили, что Натэлу давно пора ставить на лыжи.

– Граждане, середина декабря! – Полундра рубила рукой воздух, и ее рыжие волосы воинственно вставали дыбом. – Новый год на носу! Все восьмые классы рассекают давно! Атаманова нашего на районные соревнования выдвинули! А Натэлка еще на лыжах не стояла ни разу! Отличница называется! Хорошо еще, что заболеть в ноябре повезло, да еще две недели освобождухи, а теперь?! Как всегда, до последнего дотянули!

– Но я не умею на них кататься! – Натэла Мтварадзе с ужасом смотрела на друзей. – У нас в старой школе был бассейн, я плавать хорошо умею! А на лыжах никогда не стояла даже! О-о-о, у меня теперь будет двойка по физре, кошмар! По физре! Двойка!!! Бабушка не переживет!!!

В том, что бабушка Натэлы, дама железобетонного характера, переживет не только внучкину двойку, но и конец света, не сомневался никто из друзей. Но что-то делать все равно надо было.

– Пойти на наш стадион и покататься! – сурово заявил Серега Атаманов. – Делов-то! Там и лыжня давно нарезана!

– Я нэ буду позориться на-а глазах всей школы! – вздернула подбородок Натэла. В ее речи прорезался акцент, что говорило о крайнем волнении.

– Ну-у-у... Можно в Кузьминки поехать, там нас никто не знает! – предложила Юлька.

– Народищу там по выходным... – нахмурил брови Атаманов. – Вся Москва катается, будем только под ногами у людей путаться...

– Поедем вечером! – пожала плечами Белка Гринберг. – В Кузьминках по вечерам хорошо, фонари... Вальсы Штрауса играют...

– Гринберг, ей не Штраус твой нужен, а ездить научиться! – рассердился Атаманов. – А если мы вечером приедем, то уже через полчаса возвращаться надо будет! А за полчаса Натэлка только лыжу сломать успеет! Батон, ты что молчишь, как неродной?! Предложения будем двигать?!

Андрюха Батон, с увлечением поедавший огромный бутерброд с колбасой, поперхнулся, проглотил непрожеванный кусок, выпучил глаза и выпалил:

– К Пантелеичу! В Михеево! На все выходные! Заодно дров ему из лесу привезем...

В комнате воцарилась тишина.

– Батон, ты гигант! – уважительно сказала Полундра. – Вот что значит – правильно питаться! Братва, у кого валенки есть?!

К Батонову дедуле в деревню Михеево собрались все вместе, впятером. Приглашали и Соню – старшую Белкину сестру, студентку консерватории, но у той вовсе шли репетиции новогоднего концерта. Отрываться от родимого рояля старшая Гринберг не пожелала. Но мысль о том, что тринадцатилетние дети отправляются невесть в какую глушь, лазить по лесу, в котором бродят волки и медведи, повергла Соню в панику. Напрасно Батон твердил, что медведи зимой спят, а последний волк в Михееве был замечен еще при советской власти. Соня и слышать ничего не желала:

– Знаю я вас! Вы там всех медведей перебудите! И они вас съедят! А что я потом маме скажу?! Она на Новый год прилетает из Вены, и Белка должна быть целая и невредимая! И вы все тоже! В общем, дети, или с вами едет кто-нибудь из взрослых – или вообще никто никуда не едет!

Полноценного взрослого за полдня добыть не сумели: у деда Полундры были лекции в Военной академии, у папаши Батона – вечерние смены на хлебозаводе. Пришлось Соне скрепя сердце согласиться на Полундриного старшего брата. Ему Соня тоже доверяла с трудом, несмотря на то что уже полгода считалась Пашкиной любимой девушкой.

– Полторецкий, чтобы никаких там дурацких шуточек! Чтобы смотрел за детьми! На них там сосна упадет! Они в берлогу провалиться могут! Замерзнуть и заболеть! Заблудиться! Сломать шею! Белка может посадить голос, а у нее зачет по сольфеджио в среду! Что значит «все люди взрослые»? Какие они взрослые?! Учти, ты мне будешь лично отвечать за каждую ребенкину соплю!

Деятнадцатилетний Пашка, изо всех сил стараясь не улыбаться, дал торжественную клятву бдиль круглосуточно. Соня подозрительно посмотрела в его синие хулиганские глаза, махнула рукой и дала добро.

Но как же хорошо оказалось в Михееве! Вся деревушка была скрыта под ровным белым снежным ковром. Снега навалило столько, что дома оказались засыпанными до окон. Деревенская улица превратилась в узенький проход, расчищаемый силами Пантелеича и четырех бабулек-соседей: больше в заброшенном Михееве никто не жил. От станции пришлось добираться как раз на лыжах: другой возможности пересечь километровые снежные завалы не было. Натэла героически встала на свои изящные, белые, как следует смазанные Атамановым лыжи и под оглушительное «ура» друзей сделала первые шаги.

После двухчасового пути до деревни начинающая лыжница была еле жива. Возле Пантелеичева забора она кулем свалилась на руки Сереге, задрал палки.

– О-о-о... никогда больше... Ни за что... У-ми-ра-ю, вах...

А навстречу гостям из избы уже бежал радостный Пантелеич в незастегнутой телогрейке и валенках на босу ногу.

Потом, в избе, отогревались горячим чаем и всевозможными запасами из Натэлиного рюкзака: готовить пахлаву и печенье Натэла умела гораздо лучше, чем стоять на лыжах. Было тепло, огромная печь источала жар, на стенах весело топорщились пучки сушеных трав, висящие между вырезанными из журналов репродукциями и календарями. Пантелеич, водрузив на нос очки, сидя за столом, разбирал книги. Литературу Батонов дед заказывал себе по каталогу «Планета книг» на адрес внука в Москве, и время от времени Андрей привозил деду внушительную посылку.

– «Труд огородника»! – весело перебирал книги Пантелеич. – Вот уж нужно, так нужно... «Цветы каждый день»! Тож правильно, усодим все клумбы, пусть Васильевна из-за забора обзавидуется! «Пятьдесят лет в строю»... «Записки разведчика»... «Попаданцы в Третьем рейхе»... «Как мы брали Берлин»... А это чего такое?! «Магия вуду»... Чего-чего?! Андрюха! Это какое такое вуду еще? Огурцы такие?

– Сам ты, дед, огурец! – съязвил Батон, но было видно, что и он озадачен. – Это, наверное, тебе приз дали... Ты у них конкурс выиграл: «Самый долгоиграющий читатель!» Короче, для общего развития тебе. А то скоро на альтернативной истории двинешься!

– Да лучше бы они «Воспоминания маршала Жукова» прислали! – рассвирепел Пантелеич. – Полгода уже дожидаюсь! А это ваше вуду еще неизвестно, что такое!

– Вуду – это африканское колдовство... – слабым голосом доложила Натэла с кровати. – Можно мертвецов оживлять...

– Тьфу, не к ночи будь помянуты! – сердито перекрестился Пантелеич. – Только африканских мертвецов мне для счастья не хватало! Андрюха, убирай эту жуть господню с глаз моих! Можешь вон в печку кинуть! Отец Зосима говорит, что про такое читать вовсе грех!

– Федор Пантелеевич, если вам не нужно, можно я возьму? – попросила Натэла.

– Забирай! – Книга про черных колдунов, пролетев через всю комнату, шлепнулась рядом с девочкой на кровать. – Только на ночь не читай! А то у меня тут мыши бегают, а тебе бог весть что мерещиться начнет... От визга никто глаз не сомкнет!

Наутро Натэла объявила, что у нее болят все кости, что с кровати она встать не может и умрет на месте при одном только взгляде на лыжи.

– Я нэ могу! Я посреди леса там упаду! У меня ничего нэ шевелится! – стонала она из-под одеяла. – Это нэ спорт, а издэвательство! Пусть лучше двойка будет!

– Может, оставить ее здесь? – предложила Белка. – Еще правда встать не сможет, а нам завтра уже домой ехать...

– Да прям! А зачем тогда тащились в такую даль?! – Полундра была настроена решительно. – Надо ехать хоть кровь из носу! Через «не могу»!

– Сережа, о-о, скажи им... – простионала Натэла.

Атаманов поскреб затылок, нахмурился. Неуверенно произнес:

– Полундра, ты б ее не трогала... А то, если чего, нас Нино Вахтанговна передушит!

– Клин клином вышибают! – объявил вдруг вломившийся с мороза с охапкой дров Пашка. – Натэла и остальные, слушай команду по гарнизону! Вылезать – завтракать – одеваться – и в лес! Натэла, слово чести, – через десять минут у тебя все пройдет! Если нет – можешь в Москве Соньке наябедничать на меня! Я за каждый ваш чих отвечаю – забыла?!

– Нэ хочу быть причиной твоей смэрти! – мрачно объявила Натэла и полезла из-под одеяла. Полундра переглянулась со старшим братом и прыснула.

Но Пашка неожиданно оказался прав. Доехав со стиснутыми зубами до опушки леса, Натэла изумленно сказала:

– Ой... а ведь правда! Уже лучше! Почти ничего не болит!

– И на лыжах стоишь уже путево! – одобрил едущий сзади Атаманов. – Считай, четверка имеется! Только палками отталкивайся, а не врасстопыр их держи! Полундра, гляди, как она круто едет!

Ехала Натэла ужасно, но Юлька сочла долгом подбодрить подругу:

– Зашибись! Уже почти что биатлон! Ружья не хватает!

В лесу было пусто и бело, елки стояли в снегу до самых макушек. Толстые краснопузые снегири, перелетая с дерева на дерево, сбивали с веток пушистые шапки. Высоко на сосне стрекотала белка, между сучков мелькал ее серый хвост. По ровной скатерти снега тянулась цепочка следов.

– Волк! – испугалась Белка.

– Да ну... Заяц! – усомнился Атаманов. – Вон, петлял...

– Ворона, – усмехнулся Батон. – И не петляла, а прыгала. Мыша, кажись, ловила. Ладно, парни, давайте сушняк рубить, деду отопление нужно. Девчонки, а вы тут по полянке круги нарежьте, Натэлку натаскивайте... и вообще не мешайте! Топор – штука такая, раз – и полноги нету!

С дровами провозились почти до вечера, потому что управляться как следует с топором умел один Батон. Но все же до темноты ребята умудрились нарубить гору сушняка и сложить ее на огромные санки. Санки тянули Атаманов и Батон, Пашка подталкивал сзади. Следом тащились усталые девочки, которых подбадривала, к общему удивлению, Натэла:

– Юля, Белка, мы уже почти дома! Чуть-чуть осталось, поднажмите! Вы же видите, даже я еду! Пашка, ты просто гений!

– Ты это дома Соне скажи... – пыхтел Пашка. – А то, когда я сам говорю, она почему-то не верит... Эй, пара гнедых! Эй, ухнем!!! Выноси, залетные!

«Пара гнедых» злобно пыхтела в ответ. Двигался весь караван крайне медленно – до тех пор, пока из-за леса вдруг не донесся пронзительный, тоскливый вой.

– Волки!!! – заверещала Белка.

– Откуда здесь?! – поразился Батон. – В жисть не было!

– Завелись, значит! – заорал Атаманов, дергая сани за веревку так, что весь нарубленный сушняк чуть было не высыпался в снег. – Поднажми, братва, не то сожрут с костями!

В деревню влетели на всех парах. Пантелеич выскочил навстречу, восхитился количеством дров и скоростью Натэлы, несущейся впереди всех, как мастер спорта по слалому, – только снег разлетался.

– Да какие там волки! – расхохотался он, выслушав взволнованный рассказ ребят. – Это Жиган воет, псина сторожихина из Торбина! Кажин день заливается, и все такими руладами жалостными – сердце рвется! Заходите лучше шти есть, пока горячие! Тока что из печи вынул!

Вечером отдыхали. Пили чай, доедали Натэлины пироги, со смехом вспоминали, как галопом неслись через лес под собачий вой. Пашка страдал без своего айпада, забытого в Москве, и от огорчения читал университетский учебник по квантовой физике. Пантелеич с синим карандашом в руках изучал новый каталог «Планета книг». Атаманов, Батон и Полундра сражались засаленными картами в «шестьдесят шесть». Белка откровенно дремала. Натэла, пристроившись на кровати под тусклой лампочкой, с интересом перелистывала «Магию вуду».

– Натэлк, и охота тебе?.. – поинтересовалась Полундра. – У меня уже веки склеиваются, а ты еще читать можешь?

– Да еще жу-у-уть такую... – зевнула с другой кровати Белка. – Про зомби с колдунами, вот ужас! Еще правда приснится ночью...

– Мне никогда кошмары не снятся, – успокоила Натэла. – Один раз только приснилось, что мама приехала с гастролей, а у меня – пустой холодильник! Проснулась – та-а-ак обрадовалась, что это сон был!..

Полундра с Белкой хмыкнули. Мама и бабушка Натэлы – известные актрисы – часто бывали в разъездах, и Натэла оставалась на хозяйстве одна. Ей ничего не стоило приготовить обед на десять человек, за полчаса отмыть всю квартиру, перестирывать кучу белья и сшить на машинке новые занавески – если старые, по ее мнению, вышли из моды. С такими способностями, на взгляд Юльки, нужно было не сидеть в восьмом классе, а напрямик выходить замуж.

«Ты, Полундра, ей голову не морочь! – сурово говорил на это Атаманов. – Замуж МЫ С НЕЙ, когда надо будет, тогда и сходим. Пусть пока учится, а там поглядим».

Юлька хихикала. Натэла краснела, чуть улыбалась, молчала.

Домой собрались в воскресенье после обеда. Пантелеич проводил всю компанию до конца деревни, строго-настрого велел приезжать на зимние каникулы, а внуку вручил книжный каталог, весь исчерканный синим карандашом.

– И чтоб были мне воспоминания Жукова! И записки генерала Драгомирова! И «Сталинские соколы»! И про Третью танковую дивизию! И про теплицу для помидоров! И календарь купи, с девицами в купальниках! На стену повешу – и пусть Васильевна хоть впополам треснет со своим отцом Зосимой!

– Календарь ему подавай с девицами... – бурчал недовольный Батон, въезжая на лыжах в лес. – Приспичило на старости лет... Одно счастье в жизни – попа Зосиму до инфаркта довести! А деньги на все это где?! Нам с батей еще коробку передач у «жигуля» менять... Мать без зимнего пальто ходит...

– Я ему сам календарь куплю! – расхохотавшись, пообещал Пашка. – Можно в купальниках, можно и без...

– Ты мне того... деда не порти! Лучше помозгуй, где записки Драгомирова достать, это ж антиквариат! Я смотрел в Интернете – тридцать шестой год, парижское издание!

– Достанем, не бойсь, – заверил Пашка. – Сол Борисыч сделает!

В электричке было холодно и пусто. Почти до самой Москвы ребята ехали одни в пустом вагоне с серебристыми от мороза стеклами. Только в Апрелевке в электричку неожиданно хлынул народ с лыжами, сумками и детьми. Сразу стало шумно, тесно и бестолково.

– И куда это людей в такой холод несет... – бурчал Атаманов. – Щас еще бабка какая-нибудь влезет... Повиснет над тобой, и уступай ей место! А до Москвы еще полчаса! Батон, слышь, если чего – ты встаешь, я ногу вчера суком отбил... Батон! Бато-он, ты что, примерз там?!

Друг не отвечал. Атаманов недоверчиво покосился на него и увидел, что Андрюха, неестественно извернувшись, устался в другой конец вагона. Серега тоже вытянул шею. И громко прошептал:

– Блин, ну ни фига...

Тут уж повернулись все. И ахнули вполголоса даже девчонки. Потому что на дальней скамье, закутавшись в пушистую белую шубку, сидело существо невероятной красоты.

Это была девчонка-мулатка лет тринадцати, с огромными черными глазами – такими огромными, что напоминали о киношных инопланетянах. Ресницы угрожающей длины отбрасывали на щеки тень. Из-под накинутого на голову белого шарфа выбивались вьющиеся пряди распущенных волос. На тонком, чуть скуластом лице цвета кофе с молоком не было ни грамма косметики. На коленях мулатки была раскрыта толстенная книга, но девочка смотрела поверх страниц, не мигая, и, казалось, глубоко задумалась о чем-то. Мысли эти, похоже, были грустными: на лице девчонки Полундра явно разглядела высохшие дорожки слез. У ног мулатки стоял пестрый рюкзак, стянутый кожаным ремешком.

– Да-а-а... – протянул Пашка. – Есть на что глядеть. Мисс Африка!

– У тебя своя мисс дома есть! – немедленно напомнила Белка. – Вот расскажу Соне, как ты в электричках на мулаток пялишься!

– Я – пялюсь?! – обиделся Пашка. – Ты меня за кого держишь? Она же малявка! Это вон у пацанов ваших челюсти отвисли... Парни, рты закройте, сквозняком продует!

– Нет, не в моем вкусе, – опомнился Атаманов, покосившись на Натэлу. – Андрюх, а ты, может, познакомишься пойдешь?

– Офонарел?! – мрачно спросил Батон. – Мы на кого похожи-то?! Она с перепугу ментов вызовет!

Возразить Сереге было нечего. Для поездки в деревню все, разумеется, надели что похуже. Сам Атаманов был наряжен в древний пуховик серо-буро-малинового цвета с полуоторванными карманами и буйно лезущими отовсюду перьями. На Батоне красовалось старое отцовское пальто с облезлым воротником и валенки с галошами, а на голове топорщился Пантелеичев трюх.

– Я тут самый приличный! – окинув взглядом всю компанию, заявил Пашка. – Но я ей в дедушки гожусь. Что будем делать, господа гусары?

«Господа гусары» уныло молчали.

– Девчонки, может, вы к ней пристроитесь? – неуверенно спросил Атаманов. – У вас видок покультурней. Присядьте рядом, туда-сюда, куда едешь, где прическу делала...

– Ни за что! – отказалась Натэла. – Это же иностранка! А у меня плохой английский! Не хватало еще опозориться... А в некоторых странах в Африке вообще говорят по-французски! И по-португальски! В Анголе, например!

– Что иностранка в калужской электричке делает, хотел бы я знать... – задумчиво спросил Пашка. – На каком языке она билеты брала?

Но ответа на свой вопрос он не получил. Электричка, дернувшись и загремев, остановилась у станции Переделкино, и в вагон, дыша паром, ввалилась новая партия пассажиров. Среди них оказалась скрюченная старушонка с огромной сумкой на колесиках, с порога заголосившая на весь вагон:

– Книжки-книжки-книжки!!! Самые лучшие, самые красивые книги издательства «Витязь»! Военные мемуары! Аль-тыр-ны-тивная история! Воспоминания Рокоссовского в первой редакции! Записки генерала Драгомирова с Парижу! Можно полистать, посмотреть, купить!

– Батон, хватит на мулатку таращиться, вставай!!! – обрадовался, вскакивая, Пашка. – Никуда твоя красотка до Москвы не денется! Беги за бабкой, у нее Драгомиров!

– А у меня денег нет!

– У меня есть! Пошли, пока она в другой вагон не сбежала! Серега, идем с нами!

Батон, с сожалением вздохнув, отвернулся от красавицы мулатки и устремился за торговкой книгами в тамбур. За ним двинулись Пашка с Атамановым.

И почти сразу же в вагон с громким гогогом ввалились четверо пацанов в кожаных куртках. Их вязаные шапочки каким-то чудом держались на бритых затылках. Юлька сразу подобралась, готовая, если что, отбивать атаку до возвращения из тамбура ребят. Но бритые даже не взглянули в сторону девочек. Едва войдя, они повернулись к мулатке в белой шубке.

– Во! Позырьте! – со смехом провозгласил один из них. – Мартышка сидит! Второй день как с пальмы слезла!

Заржали и остальные.

– Не, пацаны, она из зоопарка сбежала!

– На хвосте из клетки вылезла!

– Это че у ней в лапках? Че, читать умеем, да? Умные такие?

– На каком языке в ихней Замбези говорят?

– На папуасском, гы!

Мулатка аккуратно заложила страницу в книге открыткой и закрыла ее. Откинула шарф, выпустив целую копну вьющихся волос, внимательно посмотрела на ржущую гопкомпанию огромными, блестящими, еще не просохшими от слез глазами и на чистом русском языке пояснила:

– Замбези – не страна, а река в Южной Африке. А папуасского языка не существует в природе. На островах Папуа – Новая Гвинея есть множество разных диалектов. Вы ошибаетесь, уважаемый.

Голос девчонки был неожиданно низким, звучным и очень красивым. На секунду в вагоне повисла озадаченная тишина. Наконец один из гопников возмущенно заорал:

– Братва, да она прикалывается! Ты, макака, думаешь, умная самая? Да я тебя щас по стенке...

И тут Полундра поняла, что надо что-то делать. И вскочила.

– Юлька, сиди! – панически запищала Белка, понимая, что подруга вот-вот рванет биться за справедливость. – Одурела совсем, сиди! Их четверо...

– Я вызываю полицию, – ровным голосом сказала Натэла, доставая мобильный. Но Юлька уже вскочила с ногами на скамью и гаркнула во весь голос первое, что пришло в голову:

Над седой равниной моря ветер тучи собирает!
Между тучами и морем гордо реет глупый пингвин!
Он и сам уже не знает, как он смог с земли подняться!
Вот и носится над морем, и орет вторые сутки!
Потому что он не знает, как сажать себя на плоскость!!!

Этот стишок они с Белкой недавно нашли в Интернете и вволю нахохотались. К изумлению Юльки, дурацкий «пингвин» запомнился ей с первого раза – в отличие от лермонтовского «Бородина», заданного на выходные. К тому же у Полундры был хорошо поставленный голос «командующего фронтом» – как утверждал ее дед, отставной генерал

Полторецкий. Во всяком случае, если Юлька хотела, чтобы ее услышали, – спасения не было никому. И сейчас на нее с открытыми ртами смотрел весь вагон – включая ошалевших гопников и красавицу мулатку. Чего, собственно, Полундра и добивалась. Она понимала, что нужно любой ценой продержаться до прихода пацанов, и старалась вовсю:

Раз пятнадцать он пытался сесть куда-нибудь на землю,
Но скользил по скалам пузом! Матерясь, взлетал обратно!
А гагары, пролетая над пикирующим пином...

Про гагар Юлька дорассказать не успела. Со скамейки у самых дверей поднялся дедок-сморчок с тележкой на колесиках и сердитым басом сказал:

– Во что Горького Алексей Максимыча превратили, олухи! – а затем, обратившись к гопникам, сообщил: – Таких, как вы, шантрапа, в сорок пятом танками давили! – и, крикнув, размахнулся тележкой. Удар пришелся прямо по хребту тому, кто обозвал мулатку макакой. Тот, взвыв, завалился на бок, дедок замахнулся снова, – а в дверях уже появились обеспокоенные физиономии мальчишек и Пашки.

– Наших бьют! – воззвала Полундра. – Атаман, ура-а-а!!!

Закончилось все стремительно: ошалевшие борцы за чистоту нации опомниться не успели, как уже были уложены рядком на грязный пол вагона. Одного довольно лихо скрутил дедок с тележкой. Второго взяли на себя Пашка и Атаманов. Третьего подоспевший Батон от души треснул приобретенными «Записками Драгомирова» по голове, и гопник мирно съехал по стенке вагона на пол. А четвертого неожиданно сбила с ног сама мулатка, взлетев вдруг со скамейки в каком-то головокружительном прыжке. В вагоне поднялись визг и писк, верещали старушки, голосили дети, – а от дверей уже пробиралась пара суровых полицейских. При виде стражей порядка хулиганы на удивление быстро опомнились, вскочили и, толкаясь, помчались к выходу из вагона. Полундра не смогла отказать себе в удовольствии сунуть пальцы в рот и оглушительно свистнуть им вслед.

Двое из гопников успели-таки сбежать. Оставшиеся заныли, что они ничего такого не хотели, просто девчонка клевая попалась, собирались прикадриться, а дед в ватнике первый начал своей тачкой махать... Старичок на это гневно заявил, что он не для того всю войну гонял фрицев по Европе, чтобы на старости лет слушать фашистские речи в собственной стране. Гопников вывели полицейские. Следом, громыхая тележкой, вышел и героический ветеран, на прощание велел мулатке:

– Ты б, дочка, не моталась одна по электричкам-то! Контингент разный ездит...

– Вот это он прав! – ворчливо заметила Полундра, усаживаясь напротив мулатки и пихая в бок Батона, который изо всех сил пытался придать своему растерзанному пальто пристойный вид. – Тебя как зовут? Тереза? Оч-приятно, я – Юлька, это – Белка и Натэла, это – Серега с Пашкой, а это – наш Андрей! Знакомьтесь!

– Я очень рада! – отозвалась Тереза. Слез в ее глазах уже не было. Она, казалось, ничуть не была напугана случившимся. О том, что она только что участвовала в драке, напоминала только расстегнувшаяся шубка и разлетевшиеся по плечам черные кудри.

– Ты из какой страны? – приступила к решительному допросу Полундра. – Сколько тебе лет? В каком классе? А учишься где? А здесь что делаешь? Почему одна ехала? Как это тебя родители только отпускают! Сама ж видишь, ты того... нестандартная, а долбецов всяческих куча ездит! Могли бы и взрослые скины попасться!

Тереза, слегка озадаченная бурным Юлькиным напором, все же рассказала, что она родилась в России, что отец у нее – русский, что мама давно умерла, что сама Тереза учится в школе иностранных языков и что отец ее отпускает куда угодно, потому что у нее красный пояс по капоэйре.

– Это что такое?! – поразилась Юлька.

– О-о, это бразильская борьба! – объяснила Тереза. И, увидев жгучий интерес в глазах ребят, принялась рассказывать о боевом искусстве черных рабов, вывезенных в Бразилию из Анголы.

– Понимаете, им на плантациях хозяева запрещали заниматься борьбой! Боялись, что они передуют охрану и уйдут! И они маскировали капоэйру под танец! И получился такой микс танцевальных и боевых движений! Вы, если хотите, приезжайте к нам на Таганку, на спектакль, – сами все увидите! В следующую пятницу! Посмотрите и танцы, и капоэйру! Билеты уже проданы, но вы скажите, что по моему личному приглашению! Я буду в главной роли!

Парни и Полундра слушали с открытыми ртами. Юлька уже всю соображала, не пойти ли и ей заниматься капоэйрой и согласится ли на это дед, который все время бурчит, что у него растет не барышня, а морской пехотинец. На взгляд Полундры, оказаться морпехом было бы гораздо интереснее, чем расхаживать в кринолинах по балам, но дед и слышать ничего не хотел. Перекинувшись на мысли о своей горькой судьбине, Юлька не заметила, что Натэла с интересом смотрит на книгу, лежащую на коленях Терезы.

Это был разбухший фолиант толщиной в кирпич, заложенный посередине какой-то яркой бумажкой. На обложке позолоченными полустертыми буквами было выведено название на незнакомом языке. Натэла со значением взглянула на Белку. Та уважительно кивнула, покосилась на Батона и тихонько вздохнула.

– Ты любишь читать? – с уважением поинтересовалась Натэла, деликатно дождавшись паузы в разговоре о капоэйре. – Нравится или задали по программе?

– О, это для роли! – охотно пояснила Тереза. Увидев вытаращенные глаза ребят, слегка смутилась: – Мы ставим пьесу Жоржи Амаду на португальском языке. А в этой книге – сразу и Шекспир, и «Тереза Батиста» Амаду, и комедии Камоэнса – все на португальском!

– Так у вас театральная студия? – сразу оживилась Натэла – внучка и дочь профессиональных актрис. – Как работаете, по системе Станиславского?

Разговор переключился с капоэйры на театр, и Полундра вздохнула с облегчением: в светских беседах она была не сильна. Пользуясь тем, что Тереза на нее не смотрит, она яростно пнула ногой Батона. По Юлькиному мнению, задавать вопросы, восхищаться и вообще всячески проявлять внимание должен был именно он. Но Андрюха сидел набычившись, упрямо глядя в замерзшее окно, и на Юлькино пихание никак не отреагировал.

– Парни, идемте покурим! – громко провозгласила Полундра. – А то уже Москва скоро!

Некурящие Батон и Атаманов посмотрели на Полундру, тоже сроду не бравшую в рот сигарет, с крайним удивлением. Однако все же встали и пошли вслед за боевой подружкой в тамбур. Следом не спеша зашагал и Пашка.

– Батон, ты нормальный или нет?! – зарычала Юлька, едва оказавшись за раздвижными дверцами. – Ты что молчишь, как идиот?! Мне, что ли, с ней знакомиться надо?! Почему я одна языком чешу?! Ты можешь ей сказать, что она красивая?! Что ты хочешь с ней встретиться?! Что телефон желаешь взять? Блин, ты хоть раз в жизни фильм про любовь смотрел?! Или только свою «Формулу-1»? Атаманов!!! Ты чего мне тут рожи строишь, скажи ему!

Но Юлькины вопли прозвучали впустую. Парни переглядывались, хмурились и сопели. Поняв, что от этих двух балбесов толку не добьешься, Полундра гневно уставилась на старшего брата.

– А ты что молчишь?!

– Юлька, ты бы не гнала волну, – задумчиво заметил Пашка. – Тут дело трудное...

– Трудное?! – взорвалась Полундра. – Оно трудное будет, когда в Москве эта Тереза в метро впрыгнет – и все! Ищи ее потом с фонарями! Батон, сам же пожалеешь, когда... Ой,

ну вот вам, уже Москва! А вы ничего не сделали, пентюхи! Пельмени недоваренные, а не реальные пацаны, тьфу!

– Ты, Полундра, того... не борзей! – забурчал Атаманов. – Пашка дело говорит. Вам, девчонкам, всегда все просто – телефончик, там, и все такое... А ты на нее посмотри, на эту Терезу! И... на Батона нашего.

Озадаченная Юлька честно покосилась сквозь грязное стекло вагона на Терезу, которая увлеченно болтала о чем-то с Натэлой. Затем перевела взгляд на мрачную физиономию Андрюхи. Пожав плечами, спросила:

– Ну и что?

– Ничего, – хмуро сказал Батон, глядя в окно. – Дура ты, Полундра. Она же вон какая... Как эта... как ее... Пашка, какое мы кино смотрели?

– «Черная пантера Амазонки», – без усмешки подсказал Пашка.

– Во-во... А я... Карлсон! В дедовых валенках! Пузо вон торчит! А какую книжищу она читает – видела? Да еще не по-русски! Натэлка наша – и та удивилась! В театре каком-то играет, артистка! А я, значит, буду у нее телефончик стрелять?! Так она и дала!

– Батон! – изумленно сказала Полундра. – Никакой ты не Карлсон! И нет у тебя никакого пуза, просто фигура такая... Много тебя просто, вот! И... ну и что, что она книжку читает! Натэлка тоже читает, еще как! А вот с нашим Серегой в кино ходит – и ничего! Глядишь, еще человека приличного из него сделает!

– Ты, Полундра, фильтруй базар! – обозлился Атаманов. – Думай, что гонишь, не то...

– Это не я гоню, а твоя мама! – ехидно парировала Юлька. – Тетя Таня в пятницу к деду за луковицей зашла и про вас с Натэлкой говорила! А я ковриком прикинулась и все подслушала!

Атаманов покраснел, проворчал что-то непечатное и мрачно уставился на Батона:

– Ну что?! Сам пойдешь телефон просить или мне вместо тебя?

– Андрюх, лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном, – серьезно заметил и Пашка. – Задай себе алгоритм. Что ты в крайнем случае потеряешь? Ну, не даст она тебе телефона! Результат будет тот же, как если бы ты ничего и не просил, так? Но при этом ты будешь знать, что сделал все, что мог. Так?

– Ну, типа так...

– А раз так, то шагом марш комплименты даме говорить! И не бойся, мы рядом будем. Давай, а то уже электричка останавливается, Москва!

По лицу Батона было видно, что он находится в состоянии полной паники. Сопя, он снял свой треух и сунул его Юльке. Начал было стягивать и пальто, но, обнаружив под ним сто лет не стиранный, проеденный молью свитер, запахнул полы обратно. Втянул живот. Пригладил волосы.

– Перекрестись еще! – съязвила Полундра, но Атаманов молча показал ей кулак, хлопнул друга по плечу и потянул тяжелую дверь вагона. Батон шумно вздохнул, шагая внутрь... и в это время мимо них пронесся вихрь белого меха и черных кудрей.

Тереза вылетела в тамбур так, словно за ней гналась стая волков – растрепанная, с вытаращенными от страха глазами.

– Ты чего?! – перепугалась Юлька. – Куда ты?!

«Остановка «Москва, Киевский вокзал», – провозгласил металлический голос, и двери электрички со скрипом расползлись. Тереза выпрыгнула из вагона первой – и белая шубка сразу же затерялась в толпе. В следующий миг и Полундру подхватил и понес на перрон пестрый, галдящий людской поток.

– Что вы ей такого сказали, девчонки? – с изумлением спросила Юлька, когда они все вместе оказались у входа в метро. – Почему она пулей из вагона вылетела?!

– Откуда я знаю? – пожала плечами Натэла. – Смотрите, она даже свой рюкзак забыла! И книгу! И шарф!!! Какая-то ненормальная...

Рюкзак Терезы – пестрый, обшитый бусинками и бахромой – держала в руках Белка, и по ее лицу видно было, что она тоже ничего не понимает. Натэла держала шарф с белыми и черными кистями и книгу. Мимо шли к метро люди. Сверху, с серого неба, сыпал снег. Юлька осмотрела друзей, остановилась глазами на убитом лице Батона и поняла, что снова нужно что-то решать.

– Ладно... Поехали к нам. Помозгуем.

В Юлькину квартиру ввалились всей толпой. Деда не было: генерал Полторецкий принимал экзамены в Военной академии. Натэла сразу же устремилась на кухню. Вскоре оттуда послышался свист закипающего чайника. Белка достала телефон:

– Соня, я приехала! Я у Юльки! Почему не домой?.. Поговорить надо... Нет, представь себе, не наговорились за два дня! У нас тут важное! Мы такое видели, такое!.. При чем тут Пашка?! Он хорошо за нами следил! Да правда же... Ну, вот! – Белка положила трубку и похоронным голосом сообщила: – Сейчас Соня придет...

– ...И скажет, что вы каждый раз, когда со мной, во что-то вляпываетесь, – ипохондрически закончил Пашка. – Натэла Ревазовна, мне там, пожалуйста, самый большой бутерброд! И по закону еще сто граммов водки перед начальственным разносом!

– Обойдетесь без водки, Павел Александрович! – отрезала из кухни Натэла. – А бутерброды сейчас будут! Юля, какую колбасу можно из холодильника взять?

– Всю! – разрешила Полундра, меряя широкими шагами комнату. Сама она даже и представить не могла, как можно думать о колбасе, когда тут – ТАКОЕ! В памяти привычно всплыл сериал «Барсы Нью-Йорка» и любимый агент Тайгер со стальным взглядом и трехдневной щетиной. Каждый раз, видя на экране агента Тайгера, Юлька страстно жалела о том, что родилась девицей и из нее при всем желании не вырастет ничего подобного.

– Итак, джентльмены, какие будут мнения? – тайгеровской фразой открыла Полундра совещание. – Вопрос первый: почему эта Тереза с самого начала была такая перепуганная? Вопрос второй: что вы ей такого сказали, что она чуть на ходу из поезда не выкинулась? Вопрос третий – что в рюкзаке?

– Кирпичи, – пробурчал Батон. – Десять кило. Как она его только перла – не пойму...

– Будем открывать, – решила Юлька.

Белка неуверенно посмотрела на нее.

– Но это же чужое! Нельзя, наверное...

– Ну и что?! – вскинулся Атаманов. – Балда ты, Гринберг! Если б мы знали, где эта Тереза живет, – поехали бы да вернули! Вон, Батон бы и поехал! Познакомился бы заодно поближе! А мы что про нее знаем?! Что вся зареванная ехала и что Андриюхе башку запудрила?!

– Прихлопнись, – буркнул Батон. Атаманов покосился на него сочувственно и умолк. Пашка в углу, прикрывшись айпадом, как мог, сохранял серьезный вид.

– Все равно рюкзак надо развязывать! – настаивала Юлька. – Белка, ну ты сама подумай! Если ты, например, находишь на улице кошелек и хочешь вернуть, ты что в первую очередь делаешь?

– Смотришь, что в нем есть! – бодро ответил вместо Белки Атаманов. – Если есть документы – подбрасываешь их тому лоху в почтовый ящик! Или в полицию несешь! Потом берешь бабки, кошелек выкидываешь и идешь себе новые ролики покупать! Полундра, ты чего руками машешь?.. – Он наконец заметил яростную Юлькину жестикуляцию, обернулся и увидел Натэлу с подносом, заваленным бутербродами.

– Первым делом ищешь в кошельке визитные карточки или номер телефона! – отчеканила Натэла, бухая поднос на стол и принимая позу богини Правосудия. – Затем звонишь,

встречаешься с потерпевшим и отдаешь ВСЕ! Может быть, у него в кошельке были последние деньги! Может быть, на лекарство ребенку! Может быть, на продукты для матери! А ты – ролики?!

– А Серега так и сказал! – кинулась грудью на спасение друга Юлька. – Ты просто ничего толком из кухни не услышала! Он так и сказал, что если ни карточек, ни телефонов – тогда уж и ролики... Правильно я говорю, Атаман?

– Угу... – пробурчал Серега, избегая, однако, встречаться взглядом с Натэлой. Пашка в углу булькал от смеха, как вскипающий чайник. Батон сидел насупленный.

– Натэла, ну ты-то скажи! – воззвала к подруге Полундра. – Открываем рюкзак или нет?!

– Конечно! – пожала плечами та. Вердикт Натэлы, «повернутой», по словам Атаманова, на всемирной справедливости, успокоил всех. Юлька села на пол у рюкзака и осторожно принялась развязывать кожаный шнурок.

Первой на стол легла уже знакомая всем книга с золотым тиснением. Натэла взяла ее в руки, начала листать. Радостно вскрикнула, увидев штамп библиотеки.

– «Институт лингвистики и иностранных языков»! Где это?

– Возле Кропоткинской, – выдал справку Пашка. – Но что наша шоколадка там могла делать? В институте ей еще рановато учиться...

– Пойдем туда и узнаем! – воодушевилась Юлька. – Скажем, что нашли книгу в электричке, хотим вернуть и...

– ...И у тебя ее охранник на входе заберет, скажет спасибо и объяснит, что без пропуска нечего тебе в институте делать! – заверил старший брат. – У нас в универе, например, так. А вашей мулатке еще и влетит за то, что она казенные книги по электричкам разбрасывает! Нет, шелупонь, надо сначала ее саму найти. Не то зря девчонку подставим. Книга вон дорогая, старая.

– Что там еще, Полундра? – нетерпеливо спросил Атаманов, глядя на рюкзак.

– Что-то... ой... неудобное ужасно! – Юлька, сморщившись, вытянула на свет какой-то непонятный черный предмет, всмотрелась в него... и дико заорала:

– А-а-а-а-а!!!!

Предмет выпал из ее рук и тяжело грохнулся на пол, отдавив хвост кошке по имени Мата Хари. Кошка взвыла дурным голосом и вскарабкалась по занавеске к потолку. Не удержавшись на скользком карнизе, свалилась на голову Пашке, с Пашки сиганула на шкаф и зашла там отчаянным мявом. Полундра и Белка, не сговариваясь, взлетели с ногами на диван. Странный предмет, грохоча, покатился под ноги Натэле. Но кинувшийся ястребом Атаманов перехватил его в полуметре от Натэлиных тапок.

– У-у, зараза... тяжелый какой! Полундра, ты с нарезки сорвалась? Чего вопишь? Кошку вон до припадка довела! Что это вообще такое?.. О, блин, это кто?! Батон! Батон! Глянь, какая рожа!

– Мата, Мата, Маточка, слезай... Слезай, психопатка несчастная, колбаски дам! – принялась улеживать кошку Юлька. – Атаман, да ты только посмотри на ЭТО! Тут не только кошка – кто угодно описается!

В это время в прихожей раздались звонок и встревоженный голос из-за двери:

– Дети, что там у вас?! Почему такой крик стоит? Вас на весь подъезд слышно! Полторецкий, бессовестный, открывай немедленно!

– Иду, королева моя! – Пашка пошел открывать.

Пашкина «королева» ворвалась в комнату, на ходу снимая пальто и воинственно сверкая глазами:

– Полторецкий, почему тебе совершенно невозможно доверить детей? Почему они с тобой орут как резаные? Почему вечно что-то происходит незапланированное? Уроки, конечно, никто не сделал! Полторецкий, ты хочешь моего инфаркта?!

– Ни за что на свете! – Пашка нежно отобрал у Сони пальто, сунулся было поцеловать в щеку, получил возмущенный отпор и, пожав плечами, попросил: – Дети, скажите Софье Семеновне, что все в порядке!

– Все в порядке! – хором ответила вся компания.

– Вот что-то не верю я вам! – подозрительно сообщила Соня. Подошла к столу, на который Атаманов поставил поднятый с пола предмет... и издала вдруг такой ультразвуковой визг, что Батон подскочил на месте, а в кухне что-то со звоном рухнуло на пол.

– Кошка концы отдала, – прокомментировал Атаманов. Юлька пискнула и помчалась в кухню. Пашка легко поймал перепуганную Соню в объятия, обвел взглядом ребят и поинтересовался:

– И вот скажите мне, шелупонь, для чего таскать в рюкзаке Барона Самди?

Через пять минут успокоились все – даже Мата Хари, которая, как оказалось, вовсе не скончалась, а просто сбросила с плиты пустую кастрюлю. Бутерброды были съедены, чай остывал в чашках, а между ними на столе высилось странное существо.

Это была вырезанная из черного дерева фигура сидящего молодого негра с зелеными, сделанными из какого-то камня глазами. Негр был одет в длинный, нелепый не то пиджак, не то смокинг, натянутый прямо на голое тело. На голове странного существа красовалась шляпа-цилиндр. Между колен был зажат ухмыляющийся череп из желтого металла. Из зубов черепа торчала толстая сигара. Такая же сигара красовалась во рту негра, и улыбка была такой же: широкой, нахальной и опасной. Он сидел вполоборота, одной рукой придерживая череп, а другую протягивая влево, словно прося о чем-то.

– Боже, какой кошмар! – содрогнувшись, сказала Соня.

– А по-моему, симпатичный, – усмехнулся Пашка. – Улыбается, гляди...

– Улыбается?! Да я теперь ночью не засну от его улыбки! Как, ты сказал, его зовут?

– Барон Самди, – пожал плечами Пашка. – На Кубе эта личность повсюду.

При слове «Куба» ребята уважительно переглянулись. Полгода назад Пашка летал по обмену в Гаванский университет, вернулся черным от загара, говорящим по-испански, в майке с Фиделем Кастро на груди и кучей фотографий, с которых улыбались физиономии новых Пашкиных друзей всех оттенков коричневого.

– А он кто, он кто, этот Барон?! – накинулись на Пашку со всех сторон. – Он бандит, да?! Он – мафия?!

– Ничего он не бандит! – хулиганские Пашкины глаза смеялись. – Он, между прочим, божество!

– Что?! – возмутилась Соня. – Полторецкий, хватит врать! Посмотри только на эту уголовную морду, бр-р-р... Никакое божество в таком виде ходить не будет!

– Это у нас здесь не будет! – обиделся Пашка. – А вот если бы ты, королева моя, почитала ту книжку о кандомбле и вуду...¹

– Это которую ты мне привез? С этими твоими жуткими зомби? Знаешь что, Полторецкий, в твои годы мог бы научиться подарки даме выбирать!

– Соня, у тебя есть книжка про зомби?! – оживилась Белка. – А почему ты мне не показала?

---

¹ Кандомбле, сантерия и вуду – ветви одной религии, берущей начало от верований африканского народа йоруба, населяющего Экваториальную Африку. Поскольку рабов из этой местности развозили по разным странам, то и религия получила разные названия. На Кубе это – сантерия, в Бразилии – кандомбле, вуду – преимущественно на Гаити.

– Потому что я отвечаю за стабильность твоей психики! – отрезала старшая сестра. – А там такие картинки, что никакие нервы не выдержат! Я на другой день не могла нормально играть на концерте! Опозорилась на всю консерваторию, даже Алла Леонардовна удивилась... а все потому, что перед глазами эти ужасы стояли!

Белка промолчала, но в глазах ее зажегся хищный блеск. Было очевидно, что в ближайшее время квартира семьи Гринберг будет прочесана по квадратам.

– Пашк, ты про Барона-то расскажи! – попросил заинтригованный Атаманов. – И что это за кандомбле такое?

– Да просто все... – Пашка бешено застучал пальцами по клавиатуре компьютера. – Вот он, красавец наш, смотрите.

Все кинулись к монитору. На нем светилось множество картинок, и все они изображали черного человека в цилиндре. На некоторых он улыбался лукаво и нагло, как стоящая перед ними статуэтка. На других был суров и печален, на третьих – злобно скалил острые зубы. Пашка оказался прав: Барон Самди, видимо, был в самом деле популярен. Черная физиономия смотрела с плакатов, картин, фотографий, набросков. Даже мультяшный Самди весело ухмылялся с экрана ноутбука.

– Кандомбле – это религия черных рабов, – задумчиво сказала Соня, и все как один повернулись к ней. – Черных людей, вывезенных в трюмах кораблей из Африки в Бразилию, на Кубу, на Гаити... Они ничего не могли взять с собой, кроме своих богов. А на новом месте им начали усиленно навязывать христианскую веру. Они не сопротивлялись... да и выбора у них не было. Но наравне с новыми святыми рабы сохранили и своих богов. В итоге получилась такая смесь... христианства и африканского язычества. На Кубе это – сантерия, в Бразилии – кандомбле, на Гаити – вуду. Барон Самди относится, кажется, именно к богам вуду на Гаити.

– Так ты все-таки эту книжку прочитала! – восхитился Пашка. Соня только вздохнула.

– Ух ты, вуду, здорово! – оживилась Полундра. – Это же зомби, да?! Телемертвецы всякие, кровища и...

– Ерунда это все! – сурово отрезала Соня.

– Почему ерунда? – с серьезным лицом пожал плечами Пашка. – На Кубе, например, колдуны всю себе оживляют мертвецов – чтобы они у них огороды вскапывали! Бесплатная рабочая сила, так сказать, и...

– Полторецкий!!!

– Молчу, молчу...

– А Барон Самди, – Соня повернулась к статуэтке на столе, – считается покровителем кладбищ и перекрестков. Он – проводник между миром живых и миром мертвых. И при этом, по-моему, страшный раздолбай, вроде тебя! – снова сердитый взгляд в сторону Пашки. – Всюду лезет, все может устроить, когда-то оказал услугу верховному богу, и теперь Барону Самди можно ВСЕ! Правда, при этом он нежно относится к детям и очень не любит, когда они болеют. Такая вот разносторонняя личность!

– Яс-с-сно... – медленно сказала Полундра, поворачиваясь к статуэтке. Ей показалось, что Барон Самди подмигнул ей из-под цилиндра, и Юлька невольно вздрогнула.

– Вернемся к нашим баранам! – провозгласил Пашка, выключая компьютер. – Зачем нашей Терезе было таскать этого товарища в цилиндре с собой?

– Может, он ее собственный, – пожал плечами Белка. – Мало ли... возила кому-нибудь показать...

– Он здоровый и тяжеленный. – Пашка с усилием приподнял барона. – Не железный, конечно, деревянный... но основание-то камнем отделано! Видите – черные камни полированные! А черепашка... по-моему, золотая! И еще неизвестно, из чего сделаны эти четыре глаза!

– Господи! – испугалась Соня, взглядываясь в череп. – Так сколько же это все стоит?! И эта ваша Тереза тащила его куда-то в рюкзаке?!

– И была при этом заревана и перепугана до смерти, – добавил Пашка. – К ней там skins начали приставать, так она их, кажется, даже не сразу заметила.

– И смылась, как только поезд остановился, – мрачно сказал Батон. – Всех распихала. Чуть не по бошкам на платформу выбежала – и все...

– Вах, я вспомнила!!! – закричала вдруг Натэла так, что зазвенели подвески люстры. – Я вспомнила, что я у нее спросила! Я спросила, кто такая Мама Бриджит!

Тишина в комнате воцарилась мертвая. Все с изумлением смотрели на Натэлу. А та метнулась в прихожую, примчалась оттуда со своей сумкой и вывалила на стол рядом с Бароном Самди «Магию вуду», подаренную Пантелеичем. Торопливо перелистала ее и придвинула к друзьям.

С глянцевого страницы смотрела на них, добродушно усмехаясь, толстая негритянка, сидящая на корточках. Из рта у нее торчала сигара, между колен стояла большая черная бутылка. Негритянка была одета в кипенно-белую блузку и такую же юбку. Подпись под фотографией гласила: «Мама Бриджит».

– Я еще вчера заметила! – воодушевленно рассказывала Натэла, переводя взгляд с одного лица на другое. – Я вчера всю книгу пересмотрела, всех этих... богов вуду... Под каждым – нормальная подпись! Вот, смотрите сами, Шанго – бог гнева и грома! Йеманжа – богиня воды! Олодумарэ – верховный бог... А эта – просто Мама Бриджит! Какой же Бриджит она мама? И почему она здесь, если она не богиня, а просто чья-то мама?

– Может быть, эта Бриджит – богиня? – осторожно предположила Белка.

– А почему ее тогда зовут не по-африкански? Бриджит – это европейское имя! Я так и не смогла понять! И, когда мы начали говорить с этой Терезой, я подумала... Если она – мулатка, то, может быть, знает... Я показала ей книгу и спросила про Маму Бриджит! – Натэла пожала плечами и закончила: – Она сразу же вскочила и убежала! И все!

– Итак, парни, что все это значит? – тайгеровской фразой спросила Полундра.

– Это значит, что вы опять влезли в историю, – со вздохом ответила Соня. – Ни на день нельзя никуда отпустить! Девочку эту, конечно, надо найти. И вернуть ей эту... этого Барона. С золотым черепом. Он ведь не ее собственный, а родителей! Они уже, наверное, с ног сбились! Ведь такая дорогая вещь!

– Но где же ее искать? – Натэла присела на диван и уставилась на Барона Самди. – У нас ничего нет, кроме книги. Из института лингвистики с Кропоткинской. Сама Тереза там учиться не может. Значит, учится кто-то из родителей или, может, старшая сестра или брат. А мы ведь даже фамилии ее не знаем!

– Она сама учится в школе иностранных языков где-то на Таганке, – медленно сказал Пашка. – Она же вас туда приглашала, правильно? Надо посмотреть... Щас, шелупонь. – Он снова застучал по клавишам. Все воодушевленно переглянулись, но через несколько минут Пашка с кислой физиономией сообщил, что ни одной школы с углубленным изучением португальского, а также театральной студии на Таганке нет.

– Выходит, что наша шоколадка все про себя сочинила!

– А зачем ей сочинять? – пожала плечами Юлька. – Она же нас даже на спектакль пригласила! Все равно бы пришлось дать адрес!

– Ребята, ну-ка вспомните получше, как Тереза говорила! – воззвала Натэла. – Я точно помню: «Приходите к нам на Таганку!» В школу, куда же еще? Или, может... Пашка, посмотри, может, там Дом культуры какой-нибудь есть?

Но и Дома культуры на Таганке тоже не нашлось. Пашка заглянул на всякий случай даже на сайт знаменитого Театра на Таганке, но там не шло никаких бразильских спектаклей. С минуту в комнате царил унылый молчание.

– По-моему, Барона стоит показать нашему Соломону Борисовичу, – задумчиво сказала Соня. – Это ведь не дурацкая поделка для туристов, а дорогое произведение искусства! Может быть, оно ему известно! Может быть, таких на всю Европу три штуки!

– Это вряд ли... – проворчал Атаманов. – Штучка африканская, сразу видно. Кто у нас такое смастрячит?

– В любом случае спросить надо, – твердо сказала Соня. – Нужно же с чего-то начинать!

Ребята переглянулись. Отчим Сони и Белки, Соломон Борисович Шампоровский, был известным на всю Москву антикваром, реставратором и экспертом по древним ценностям. Сейчас мать сестер Гринберг концертровала в Вене, а отчим, засев в своей мастерской на Новокузнецкой, производил там уборку.

– Я позвоню ему, и поедем прямо завтра, – заявила Соня. – Пашка, а ты бы выяснил, нет ли у тебя знакомых в том институте на Кропоткинской! Треплешься ведь без конца с кучей народу на форумах! Может, кто-нибудь и найдется... Пашка! Полторецкий, ты меня слышишь?

– Слышу, ангел мой... – Пашка широко открытыми глазами смотрел в свой компьютер. – Шелупонь, а знаете, кто такая Мама Бриджит? Жена Барона Самди!

– ...Со-о-оня, ну дай ты мне ее посмотреть! Эту кни-ижку! – канючила Белка, укладываясь спать. – Я так устала, что засну сразу! Никакие зомби не помешают!

– Я не помню, где она валяется. Завтра поищу. – Соня уже лежала в постели и задумчиво смотрела в потолок. – Знаешь, Белла, на самом деле это все очень интересно. Мы еще на истории религий в консерватории говорили о том, что боги любого народа очень похожи на людей, их придумавших. Этот Барон Самди, конечно, ужасный... но с ним, мне кажется, проще разговаривать.

– Как это, Сонь? – Белка тоже забралась под одеяло, свернулась клубочком. За окном в свете фонаря валил снег. С бульваров прозвенел последний трамвай.

– Ну, вспомни, на кого он похож, – Соня погасила свет, зевнула. – Обычный хулиган и пьяница. В пиджаке на голое пузо. И в грязном цилиндре на затылке. Он такой же, как те люди, которые в него верят, понимаешь? А не божество в сиянии и в белых одеждах, которого нужно бояться. Если тебе надо, чтобы кто-то понял, как ты вляпался, и помог, – к кому тебе будет легче обратиться? К кому-то в небесах над тобой, который всегда прав и никогда не ошибается? Или к такому вот бандиту с сигарой в зубах, который сам не святой?

– Кажется, я поняла... – Белка задумалась. – Сонь, а Мама Бриджит – она такая же?

– Ну, раз она его жена... – усмехнулась Соня. – Да ты же видела фотографию. Толстая черная тетка с сигарой. Любит выпить рома, посмеяться. Всем может помочь – особенно женщинам и детям. При этом вместе с мужем провожает из мира живых в мир мертвых, так что шутить с ней, в общем-то, опасно. Если довести – мало не покажется... Видишь, какие у них там, в Южной Америке, боги? Несерьезные ужасно. Но понимающие.

– А как должно быть? – серьезно спросила Белка.

– Да кто же знает? Наверное, если люди в это верят – значит, так для них и пра-авильно... – Соня уже засыпала.

– И надо же было Батону влюбиться в эту Терезу! – подумав, сердито сказала Белка. – Она, конечно, красивая ужас какая, но... Ну вот, допустим, он с ней познакомится – и что?! Будет она, что ли, с ним встречаться? Андрюха наш, конечно, классный... но ведь на Винни-Пуха похож! Хотя выше ее ростом...

– Белла, это ерунда! – сквозь зевок отозвалась старшая сестра. – Мужчина вообще не должен быть красивым.

– Да?! А сама с Пашкой встречаешься! А он – потрясающий!

– Балбес он потрясающий! – тут же вскипела Соня. – Со сквозной дырой в голове! Хоть бы раз за вами присмотрел по-людски! И вообще давай спать! У меня завтра репетиция, а у тебя – контрольная! Или ты со своими зомби вовсе про все забыла?

– Забудешь про такое, как же... – проворчала Белка. – Попросить, что ли, Маму Бриджит, чтобы математичка заболела?

Соня ничего не ответила. Белка, повздыхав, плотней завернулась в одеяло и закрыла глаза.

Юлька Полундра в эту ночь спала дурно. Во-первых, болели натруженные лыжами суставы. Во-вторых, дед полночи стучал по клавишам своего компьютера, готовя лекцию. В-третьих, во сне Юльку гонял по заснеженному лесу Барон Самди в Батоновой ушанке на затылке и вопил почему-то голосом Сони: «Вас никуда нельзя одних отпустить!!!» Проснулась Полундра от звона будильника, убедилась, что не проспала, и начала вяло вылезать из постели.

Барон Самди за ночь никуда не делся. Сидел на подоконнике, завернутый в шарф Терезы, и косился наглыми глазами на Юлькины учебники, сваленные кучей на полу. Череп смутно поблескивал в свете фонаря: на улице еще было темно. Полундра нащупала ногами тапочки и, шатаясь, побрела на кухню.

В кухне у окна неожиданно обнаружился дед. Полундра удивилась: обычно Игоря Петровича Полторецкого, генерала в отставке, преподавателя военной истории в Академии ВС, ничто не могло отвлечь от его утренней гимнастики.

– Дед, что там?! – закричала Юлька, кидаясь к окну. – В твою «Волгу» кто-то впилился?!

Генерал молча посторонился. Полундра взлетела на подоконник и увидела изумительную картину.

Внизу, на турнике возле детской площадки, висел Батон – в тренировочных штанах и футболке. И не просто висел, а делал судорожные движения червяка-наживки, пытающегося взобраться вверх по леске. Вокруг прыгала его бабушка Надежда Никитична в пальто внакидку и сползшем на затылок берете. Заинтересованная Юлька приоткрыла форточку.

– ...И воспаление легких, Андрюшенька! И грипп! И ангина! И бог знает еще что! Господи, да что же это ты вытворяешь, разбойник?! Слезай немедленно, говорят тебе, обалдуй! Иди домой! Я вот сейчас отцу на работу позвоню! И полицию вызову! И «Скорую помощь»! Да хоть шапку надень, Андрюшенька!!!

Батон только пыхтел сквозь стиснутые зубы и пытался отбрыкнуться от бабки ногой. Рванувшись вверх изо всех сил, он достал-таки подбородком до перекладины – и облегченно плюхнулся вниз. Вскочил и потрусил вокруг площадки перевалистым медвежьим шагом. Бабка засемила следом, проваливаясь в сугробы.

– По-моему, пора вмешаться, – решительно сказал генерал Полторецкий, выходя из кухни. Юлька, наспех одевшись, помчалась за ним.

Когда она выскочила во двор, из соседнего подъезда уже вылетел Атаманов. Он порысил за Батоном по кругу, решительно оттеснив запыхавшуюся бабулю. Никитична, отдуваясь и жалобно причитая, опустилась на скамеечку у песочницы и схватилась за голову.

– Да куда тебя, дурак, понесло?! – донесся до Полундры голос Сереги. – Пыхтишь, как верблюд! Бабка вон почти в кондрашке! Тебе чего приспичило-то? Из-за этой Терезы?

– Отвали... фу... Напряги сам башку... фу... Она – как модель... а я... фу... пингвин... который гордо реет... Худеть... блин... нужно как-то... фу-у-у!!!

– Жрать надо меньше! – выдвинул конструктивное предложение Атаманов. – Что в твоей беготне толку, если бабкин борщ с салом черпаками трескаешь?

– Борщ... это витамин... от него не набирают...

– И сало – витамин?! Да остановись ты уже, пингвин долбанутый!!! Реет он, видите ли, гордо! Полундра, а что ты ржешь? Нет, вот что ты ржешь?!

– Атаман, да ведь ты первым заболеешь! – закатывалась Юлька. – Ты на ноги себе посмотри! Кто тут пингвин?!

Атаманов покосился вниз и выругался: на нем были старые пластиковые шлепки на босу ногу, уже забитые снегом. Взыв, Серега умчался домой. Батон, еще тяжело дыша, прислонился к турнику и уныло посмотрел на помирающую со смеху Юльку.

– Батон! – Полундра кое-как перевела дух. – Но ведь так же нельзя! Если хочешь фигуру того... корректировать, надо не так резко! Ведь и правда ангина будет! А вообще, по-моему, нечего тебе заморачиваться! Ты ничуть и не толстый даже! Ты просто... ну... большой!

– Угу... местами. В районе брюха, – пробурчал Батон.

– Андрей, Юлия права, – послышался вдруг задумчивый бас генерала Полторецкого. – Гимнастикой не начинают заниматься столь радикально.

– И что ж мне теперь, Игорь Петрович?! Всю жизнь пузом трясти?!

– Зачем же... Если ты решил заняться своим весом, я могу разработать специально для тебя комплекс упражнений. Начнешь с малого, потом понемногу будешь прибавлять... Ты ведь не куришь?

– Пробовал. Не понравилось.

– Это хорошо – значит, легче будет. Неплохо бы в бассейн записаться, в воде худеют очень быстро. Плавать умеешь?

– Да не так чтобы очень...

– Вот и научись заодно. – Петрович, выудив из кармана пальто маленькую записную книжку, застрочил в ней карандашом. Потом вырвал лист и протянул его Батону. – Пойдешь в бассейн «Смена» за бульварами, найдешь тренера Валерия Владимировича, отдашь записку, скажешь, что от меня. Он тебя включит в свою группу – если ты, конечно, всерьез собираешься...

– Собираюсь! Всерьез! Спасибо, Игорь Петрович! – обрадовался Батон.

– Тогда кругом и шагом марш домой! – скомандовал генерал. – Чтобы не заболел до бассейна!

Батон, сотрясая сугробы, тяжело потрохал к подъезду. За ним помчалась бабка, на ходу восклицая:

– Петрови-ич, спаси тебя Господь!

– И вам того же, Надежда Никитична, – смеясь одними глазами, ответил старый генерал.

– Дед, это правда? – задумчиво спросила Юлька, которая уже начала зябнуть в пальтишке поверх ночной рубашки. – Он, если по твоей системе заниматься будет, усохнет?

– Уверен, что да. Если не будет отступать от взятого темпа. – Игорь Петрович внимательно посмотрел на внучку. – Я тебе, Юлия, всю жизнь говорю, что человек может добиться практически всего! Если это, конечно, касается его самого, а не человечества в целом.

– А человечество?..

– А попытки изменить мир на протяжении всей истории кончались крахом. Так что и тебе не советую пытаться. А то я в тебе давно замечаю тягу к великим свершениям... Кстати, что это за чудище в шарфе сидит у тебя на подоконнике?

– Это?.. – икнула захваченная врасплох Полундра. – Это... Барон Самди! Дед, знаешь что, я в школу вообще-то опаздываю, и у меня контрольная сегодня, и...

– В школу я тебя подвезу, не опоздаешь. – Дед внимательно смотрел на нее. – Юлия, должен тебе сказать, что этот Барон – вещь весьма недешевая. Во что вы опять влезли, юные махновцы? И чем я могу помочь?

Юлька глубоко вздохнула. С тоской пошевелила пальцами в промерзших ботинках. И выдвинула ультиматум:

– Без пацанов и Натэлки с Белкой рассказывать не буду! Счас они спустятся – и тогда... А ты мне, дед, лучше скажи – у тебя есть знакомые в институте иностранных языков?

– В лингвистическом? На Кропоткинской? – дед наморщил лоб. – Лично я, кажется, ни с кем там не знаком. Но... Погоди-ка, а наш Павел еще не уехал в университет? Мне надо немедленно с ним поговорить!

В четыре часа дня небо за окном старинного здания института было темным от снежных туч. Улицы не было видно за поднявшейся метелью. Декан кафедры португальской литературы Олег Свиридов, пожилой подтянутый человек в потертом костюме, сидел в своем кабинете перед включенным монитором.

За дверью послышались шаги, заглянула секретарь кафедры – пожилая, сухонькая, похожая на мышку Вера Аристарховна.

– Олег Георгиевич, к вам пришли. Ждут внизу, у охраны. Не по записи!

Свиридов удивленно посмотрел на секретаршу поверх очков.

– Но я никому не назначал встречи... Они как-то представились?

– Попросили передать следующее. – Вера Аристарховна поднесла к глазам листочек бумаги. – Пехота и Командарм просят Танкиста уделить им десять минут.

Секунду Свиридов молча, изумленно смотрел на секретаршу. Затем велел:

– Вера Аристарховна, немедленно просите! И приготовьте чаю!

Через несколько минут в кабинет вошли двое: высокий седой старик в генеральском кителе и молодой человек с синими нахальными глазами. У старика под мышкой была толстая книга, у парня – айпад.

– Добрый день, господа, – немного растерянно приветствовал их хозяин кабинета. – Прошу садиться. Простите за вопрос, но... кто же из вас Пехота?

– Разумеется, я! – пророкотал Игорь Петрович (это был именно он). – Генерал-майор Игорь Петрович Полторецкий к вашим услугам. А это – мой внук, студент МГУ Павел Полторецкий. Вы его знаете как Командарма.

По лицу декана расплзлась широкая улыбка.

– О, как я рад! Весьма рад случаю, так сказать... развиртиться с активными участниками нашего форума! Игорь Петрович, вы в пух и прах разбили де Голля в последней дискуссии об отступлении пехотных войск на Курской дуге! Я следил за каждой строчкой и наслаждался, не смея вмешаться! А вы, Командарм... Признаться, я и не предполагал, что вы так молоды! Вы очень... м-м... изящно и едко откомментировали выступление Барбароссы по поводу пакта Молотова – Риббентропа! И даже довели Барбароссу до ненормативной лексики – что ему, в общем-то, не присуще. Со своей стороны, я очень рад, что ему наконец прищемили хвост. Не спорю, Барбаросса – весьма грамотный специалист. Но при этом умудряется наговорить гадостей и всех перессорить в считанные минуты! И наши форумчане вместо того, чтобы дискутировать об историческом факте, буквально рвут друг другу пуговицы. Как невоспитанные депутаты в Думе! Так что я вам даже благодарен.

– Я старался, – скромно заметил Пашка.

– Итак, господа, рад, очень рад знакомству, как говорит молодежь, «в реале»! Но... позвольте спросить, как же вы меня вычислили? Не то чтобы я старался скрыться, но на форуме не принято открывать свои ники...

– Видите ли... Наш Командарм, – старый генерал повернулся к внуку, – в свободное от флуда на исторических форумах время занимается профессиональным хакерством.

– Любительским, дед, – с некоторым сожалением поправил Пашка. – Стану профессионалом – будешь жить на Багамах!

– Вздор, никуда не поеду! Я, как выяснилось еще в Афганистане, отвратительно переношу жару!.. И так, мой внук склонен интересоваться теми, с кем имеет дело, пусть даже в Интернете. И для него было парой пустяков выяснить подлинные имена всех форумчан. Разумеется, эта тайна умрет вместе с ним. И мы бы никогда не осмелились беспокоить вас на рабочем месте... если бы не одно обстоятельство. – Генерал Полторецкий выложил на стол растрепанный том с позолоченными буквами на обложке. – Вот эта книга.

Декан осторожно взял том в руки, перелистал.

– Вижу, это из нашей библиотеки?

– Именно. Книга эта к нам попала при крайне загадочных обстоятельствах. И нам хотелось бы, разумеется, вернуть ее хозяину. Тем более что экземпляр букинистический и, похоже, ценный.

– Вы правы. Издание пятьдесят второго года, «Академкнига». Кто же из наших студентов умудрился ее потерять?

– Мне бы тоже хотелось это знать. Вероятно, человек, потерявший ее, очень беспокоится.

– Это очень легко выяснить, минутку... Верочка, пожалуйста, соедините меня с нашей библиотекой!

Через несколько минут в кабинет декана вошла пожилая дама в твидовом костюме и со строгим «валиком» на голове.

– Это наш бессменный библиотекарь Анна Львовна Ворс! – представил ее Олег Георгиевич. – Анна Львовна, присядьте, пожалуйста! Взгляните – не ваш ли это блудный том обнаружился?

– Позвольте, Олег Георгиевич... – библиотекарьша, едва скользнув взглядом по посетителям, взяла в руки книгу – бережно, как ребенка. Ее холодноватое лицо стало растерянным и радостным одновременно. – Боже мой! Поверить не могу! Нашелся! О-о-о, какое счастье... Кто бы мог подумать, через столько лет!..

Тут хозяин кабинета, генерал Полторецкий и Пашка заговорили одновременно:

– Что значит «через столько лет»?

– Кто же его потерял?

– А вы не ошибаетесь, он точно ваш?

Анна Львовна, прижав к груди книгу, взглянула на Пашку, задавшего последний вопрос, крайне неприязненно:

– Я, молодой человек, сорок пять лет при институтской библиотеке! И каждую свою книгу знаю в лицо! Это Шекспир, Жоржи Амаду и Луис Камоэнс на португальском языке под одной обложкой! И на восемьдесят четвертой странице написаны зелеными чернилами неприличные стихи!

– Позвольте-ка... – заинтересовался Пашка. Открыл том на восемьдесят четвертой странице и с выражением продекламировал:

Тетя Песя, проездом в Одессе,
Побывав на шекспировской пьесе,
Не дала охламону задушить Дездемону —
Мавр пал от руки тети Песи!

– Именно так! – оскорбленно подтвердила Анна Львовна. – И не понимаю вашего веселья, юноша! Бездарными виршами испортить ТАКУЮ книгу! Так что, сами видите, это наша. Удивительно, что она нашлась. Ведь ее потеряли... сейчас вспомню... почти десять лет назад!

– Сколько?! – ахнул Пашка. Слегка изменился в лице даже генерал.

– Десять... или даже больше. Последним ее брал наш аспирант Вадим Аскольский с кафедры бразильской литературы. И потерял! Потом долго извинялся, принес вместо нее дореволюционное издание Данте из собственной библиотеки... – Анна Львовна неожиданно вздохнула. – Какой замечательный был мальчик! Умница, великолепный переводчик! Часами мог сидеть в библиотеке со своей диссертацией! Разумеется, ему было тогда вовсе не до книг... Такая трагедия, такая трагедия!

– Трагедия? – встрепенулся Пашка. – А что случилось?

– Если я верно помню, у него тогда погибла жена. Остался совсем маленький ребенок... Аскольский, к счастью, успел защитить диссертацию. Больше я о нем не слышала. Позвольте... но ведь эта книга давно списана из нашей библиотеки! – Анна Львовна прижала пухлый том к груди так, словно собиралась защищать его до последней капли крови. – Неужели вы ее заберете?!

– К сожалению, да, – твердо сказал генерал Полторецкий. – Но обещаю, что больше она не потеряется. И, как только мы отыщем Вадима Аскольского, книга к вам вернется. Если вы еще сообщите нам координаты вашего бывшего студента...

– К сожалению, ничего не сохранилось, – вздохнула библиотекарша. – Помню, его разыскивали по домашнему телефону с кафедры... и оказалось, что он продал квартиру, и там теперь живут совсем другие люди. Которые ничего о нем не знают. Возможно, он уехал с дочкой на родину покойной жены?..

– Как – на родину жены? – удивился декан. – Позвольте, я тоже неплохо помню Аскольского! Разве его жена была из другого города?

– Ничего вы не помните, Олег Георгиевич! – пожал плечами библиотекарша. – Жена Аскольского была африканкой!

Через четверть часа дед и внук Полторецкие вышли из кабинета декана. Свиридов провожал их.

– Очень, очень рад знакомству! Игорь Петрович, надеюсь сегодня вечером встретиться с вами на форуме! Мы еще не договорились по поводу значения ракетных войск во время летней операции на Втором Белорусском! А ваши сентенции, Командарм, просто восхитительны! Вы прирожденный риторик, с вами очень сложно спорить! Кстати... – декан слегка замялся, понизил голос. – Павел, вот вы упомянули, что вычислили всех участников форума. Я имею в виду, их подлинные имена...

Пашка, не отвечая, вопросительно смотрел на Свиридова.

– Вы не подумайте, что я в каких-то корыстных целях... Но мне страшно интересно, кто такой наш склочник Барбаросса! Этот товарищ мне столько нервов вымотал! И не мне одному! Вы хотя бы намекните... Клянусь, тайна во мне умрет! Слово Танкиста!

– Да очень просто все, Олег Георгиевич... – не обращая внимания на настороженное побряхтывание деда, Пашка наклонился к уху декана, очень тихо произнес три слова и показал глазами в глубь приемной. Декан вздрогнул. Обернулся и впился взглядом в сухонькую Веру Аристарховну, мирно шуршащую бумажками.

– Невероятно!!! Верочка?! А впрочем... Павел, стойте! – он обернулся было к своим гостям, но тех уже и след простыл.

... – Атаман, хватит, давай теперь я понесу! Батон, ну скажи ему-у-у!

– Полундра, отвянь! Он тяжелый! И вообще ценная вещь! У тебя кто угодно вырвать сможет! Коленкой в живот дадут, в сугроб бросят, рюкзак вырвут и... Короче, отвали! Тьфу, гад, правда тяжелый... Батон, на, тащи. Тебе для фигуры полезно.

Трое друзей двигались по узкому переулку возле метро «Новокузнецкая», по очереди таща Барона Самди, упакованного в Батоновский рюкзак. Сыпал снег, было сумрачно.

Сегодня, сразу после уроков, наспех собрали совет у Полундры. Пашка и Игорь Петрович отправились добывать сведения о потерянной книге, а оставшиеся члены поисковой группы решили нагрянуть к антиквару Шампоровскому. По телефону договорились о встрече, но Белку не отпустила старшая сестра:

«Ты за все выходные ни разу не подошла к инструменту! А скоро у тебя концерт! Нет, Белла, ты садишься и играешь два часа, а потом – делаешь уроки! Или я не отвечаю за твое будущее! Видишь – я тоже никуда не еду, у меня этюды и теория композиции!»

Спорить было бессмысленно, и Белка уселась заниматься. Осталась дома и Натэла: она ожидала возвращения бабушки с гастролей и считала своим долгом по этому поводу отмыть всю квартиру и приготовить гору еды. Таким образом, к антиквару отправились Атаманов, Батон и Полундра.

Уже на лестничной площадке перед квартирой Шампоровского они слышали глухие удары.

– Что он там делает? – пробормотал Атаманов. – Сокровища свои заколачивает? Полундра, звони погромче, а то не услышит! Мы не можем, мы Барона держим!

Юлька подошла к делу ответственно и затрезвонила во всю мочь, время от времени поворачиваясь и бухая каблуком в железную дверь. Та отворилась так внезапно, что Полундра завалилась спиной вперед прямо в объятия Белкиного отчима – огромного бородатого дядьки с разбойничьим лицом.

– Юлька, сколько ж от тебя шума-то всегда! – весело заметил тот, ставя растерянную Полундру на ноги. – Что значит – генеральские гены! А дом этот, между прочим, признан архитектурным памятником! Если ты его разнесешь, мэрия тебе благодарна не будет!

– Здравсте, Сол Борисыч... А мы нарочно так громко... Боялись, вы не услышите! У вас там что-то та-а-ак громыхало!

– Не «что-то», а я! Кстати, молодые люди, вы очень вовремя! Раздевайтесь, поддержите мне там планку. Я тут надумал полочку сбить...

– Ни фиги себе полочка! – изумленно сказал Атаманов, увидев внушительную конструкцию из реек, планок и крепежей, занимавшую собой полкомнаты. – Это вам зачем, Сол Борисыч?

– А разве не видно – зачем? – Шампоровский обвел рукой комнату, заваленную антикварным хламом: книгами, статуэтками, холстами, рамами, старинной посудой, канделябрами и музыкальными инструментами. Даже огромный рояль едва был виден из-под заставлявших его фарфоровых фигурок, ваз и самоваров. – Надоел уже, в конце концов, этот бардак! Для работы приходится таскать это все из угла в угол, вещи портятся, падают и вообще...

– А у вас эта штучка для чего будет? – заинтересованно спросил Батон, поглядывая на несобранный стеллаж. – Для книг?

– И для книг... И, надеюсь, все остальное тоже влезет.

– Если и «все остальное», тогда полки рухнут, – солидно заметил Батон, наклоняясь и рассматривая соединения планок. – Вы ж крепежи неправильно устанавливаете! И углы вон плохо замерили, сразу же крен пойдет...

– Ты уверен? – обеспокоенно спросил Шампоровский. – По-моему, я правильно мерил...

– Да кто ж так мерит?! – возмутился Батон, прихватывая со стола портновский сантиметр и презрительно разглядывая его. – Это вот этой фиговиной вы прямые углы нарежали?! Железный уголок должен быть! Или отвес хотя бы! Эх, знал бы, я б из дома инструмент приволок...

– А ты умеешь?

– Еще бы! Мы с батей всю мебель дома сами делали! И печь с дедом я клал, и крышу перебирал... Вот что, Атаман, давай-ка поддержи мне эту реечку... Сол Борисыч, а вы найдите пока что-нибудь прямоугольное. Ну, хоть книжку, какую не жалко. Эту можно?

– Не-е-ет!!! «Житие протопопа Аввакума»! Восемнадцатый век, варвары!

– Полундра, положи Аввакума... Вон ту плашечку дай... И гвозди... Вы не волнуйтесь, Сол Борисыч, щас мы вам с полтычка этот шкафчик соберем! И какими гвоздями вы его сбивать собрались?! Да у вас же трещины по всему фасаду пойдут! Тут поменьше номерочек нужен... Тоже мне, люди искусства!

Через полтора часа за окном стемнело, а многоярусный стеллаж воздвигся у стены, упираясь верхними полками в потолок. Счастливый хозяин сутился вокруг него, рассовывая по полкам книги и безделушки. Довольные и усталые гости сидели за столом, наливая себе чай из старинного тульского самовара.

– Как вы его топите, Сол Борисыч? – поинтересовался Батон, любуясь своим отражением в выпуклом боке самовара. – У моего деда в деревне такой же, так он – лучиной...

– А я – шишками! Здесь неподалеку замечательный сквер со старыми елями, я под ними и набираю... А трубу вывожу в форточку. Соседи, правда, пару раз вызывали пожарных, – но, слава богу, обошлось... Андрей, а твой дед не согласится меняться? Я бы ему дал за самовар два фарфоровых чайника ленинградского завода...

– Не, ни за что не отдаст! – хмыкнул Батон. – Это ж бабкино приданое! Пантелеич уже велел, чтобы, когда он помрет, этот самовар вместе с ним похоронили! Ежели, говорит, я к Клавке на тот свет без ее самовара приду, она с меня голову сымет!

Соломон Борисович неопределенно крякнул, взялся было за стопку пыльных книг... и тут же с грохотом уронил их на место.

– Молодежь! Вы ведь пришли, кажется, по делу! И мы совсем о нем забыли с этим стеллажом! Я обратил внимание, вы там что-то принесли...

– Господи, вот дураки-то! – Полундра вскочила и кинулась в прихожую, сшибая по пути стопки книг и обрезки досок. Вернувшись, она бухнула на стол рюкзак и озабоченно поинтересовалась:

– Сол Борисыч, у вас с сердцем как? Нет проблем?

– Юля, при моей работе сердца не должно быть совсем! – Шампоровский с растущим интересом следил за тем, как Полундра развязывает рюкзак. – Знаете, после того как вы мне приволокли меч русской пехоты четырнадцатого века, я уже ничему не удивлюсь, и... Азохен вей², это кто?!

Из рюкзака на него косился зелеными опасными глазами обмотанный шарфом Барон Самди.

– Ну, что я вам скажу, молодые люди... – чуть позже говорил Соломон Борисович, не спеша поворачивая в пальцах черную статуэтку. – Вещь, конечно, замечательная, художественная ценность налицо... Прекрасная стилизация... Но – новодел.

– То есть не старинный? – разочарованно спросила Полундра.

– Ни разу. Вашему Барону Самди самое большее – лет десять – пятнадцать.

– То есть вы бы не купили?..

– Отчего же... Возможно, и купил бы. Не всегда ценность вещи заключена в ее древности. Я же вижу, что это не кошка-копилка с Малаховского рынка. Настоящее произведение искусства, хоть и сделано недавно. Впечатление, надо сказать, производит отменное.

– Еще бы... – проворчала расстроенная Юлька. – У меня кошка чуть дуба не врезала...

² Азохен вей (идиш) – междометие, выражающее сочувствие, тревогу, панику и т. п.

– Сол Борисыч, а вы вот сказали, что художественная ценность есть! – встрял Батон. – Значит, эта черепаха у него золотая? А глаза – из настоящих изумрудов?!

Шампоровский захохотал так, что со старых книг взметнулась пыль.

– Андрей, да с чего ты взял?! Самый обыкновенный поделочный нефрит эти ваши изумруды! И череп не золотой, а латунный!

– А дерево? – ухватилась за последнюю надежду Юлька. – Черное?! Из джунглей Амазонки?!

– Липа! Обычная наша российская липа, из которой режут ложки. Отличное дерево для поделок, но никакой ценности не представляет. А вот основание отделано ониксом, отсюда и тяжесть. – Антиквар взял Барона в руки, снова медленно повертел. – Скажите, молодежь, а зачем вы отпилили вторую часть?

Наступила мертвая тишина. Друзья переглянулись, и Атаманов ответил за всех:

– Ничего мы не пилили! Еще чего! Он вообще не наш! А что – еще вторая часть есть?

– Была, – поправил Шампоровский, внимательно глядя на растерявшуюся компанию. – Молодые люди, а вот со слов «не наш», пожалуйста, поподробней! Должен ли я понимать, что вы поперли у кого-то произведение искусства?

– Не поперли, а нашли! – обиженно отозвалась Полундра. – И ищем хозяина, чтобы вернуть! А вот вы, пожалуйста, тоже поподробней со слов «была вторая часть»! Где она была и когда ее отпилили?

– Отпилили достаточно давно. – Соломон Борисович провел пальцем по бревну-подставке, на котором сидел Барон. Только сейчас ребята заметили, что бревно это с одного конца было аккуратно закруглено и покрыто черным лаком, как и вся статуэтка, а с другого конца заканчивалось довольно грубым отпилком, кое-как замазанным черным карандашом.

– Видите, как неаккуратно! По-моему, даже тупой пилой, без всякого отмера... варвары! – возмущался Соломон Борисович, трогая пальцами шершавую древесину. – Хоть бы зашлифовали, мародеры! Как это вы не обратили внимания? Да вы на него самого посмотрите! Видно же, что он разговаривает с кем-то, кто сидит слева от него! Видите, весь корпус Барона повернут влево, глаза смотрят туда же, жест руки направлен в ту же сторону... Даже череп туда глядит! Безусловно, имеется вторая часть – видимо, собеседник Барона. Где она может находиться, по вашему мнению?

Ответом была тишина. Юлька сидела насупившись и усиленно соображала. Атаманов яростно скреб затылок. Батон что-то сосредоточенно подсчитывал на пальцах. Шампоровский тем временем провел ногтем по едва заметной впадинке под цилиндром Барона Самди.

– А вы его открывали, молодежь?

– Чего-чего?! – встрепенулась Полундра. – Он что – еще и открывается?! Пацаны, смотрите сюда! Сол Борисыч, давайте лучше вы! А то еще сломаем чего-нибудь, а он и так отпиленный уже... Аккуратнее только!

– Юля, я отвечаю! – Шампоровский бережно взял двумя пальцами за цилиндр барона и нажал. – Не п-первый раз под в-в-вен-нец... Опаньки! Да он пустой внутри, ваш Самди!

Цилиндр, оказавшийся крышкой, был осторожно поставлен на край стола, и вся компания вытянула шеи, стараясь заглянуть внутрь статуэтки. Полундра придушенно пискнула, заметив внутри тусклый блеск. Но это оказался всего-навсего аптекарский пузырек с какой-то темной жидкостью.

– Птичьи каки, – презрительно откомментировал Атаманов. – Зачем это туда засунули?

– Сам ты, Атаман, «каки»! – огрызнулась Юлька. – Это ямайский ром! Барон Самди любит ром – забыл?

– Маловато будет! – авторитетно сказал Батон. – Там на доньшке совсем.

– Выпил! – хихикнула Полундра. – С этим своим другом... которого отпилили!

Шампоровский тем временем молча отвинчивал пластмассовую крышечку пузырька. Та поддалась легко – и по комнате волной разлился неожиданно сильный, острый и свежий запах.

– У-у... Что это? – поразилась Юлька. – Такие африканские духи?!.

Соломон Борисович вдруг с неожиданной прытью вскочил и кинулся к окну. Створки уже были заклеены на зиму, но антиквар торопливо дернул раму, раздался треск, окно распахнулось, и в комнату, перебивая резкий запах жидкости из пузырька, хлынул морозный воздух.

– А ну марш на кухню, гопота! – рявкнул Шампоровский, разом став похожим на пиратского капитана. – Кому сказано! Бегом!

Все вскочили и кинулись вон из комнаты.

– Сол Борисович, а чего вы так психанули? – осторожно спросила Юлька десять минут спустя, когда комната была основательно проветрена, от экзотического запаха не осталось и следа, а пузырек был тщательно закручен. – Подумаешь – завоняло малость... Это же духи, а не бомба!

– Видишь ли, Юля... – Шампоровский казался озабоченным и смущенным одновременно. – От некоторых жидкостей вреда может быть не меньше, чем от бомбы. И я тоже хорош, старый идиот... Вот так, с бухты-барухты, откручивать и распространять... Права моя Рахиль – дух авантюризма в нас живет до смерти! Я надеюсь, вы ей ничего не расскажете? – с некоторым опасением спросил он. – Она и так еле согласилась выйти за меня замуж! И очень переживает, что я как был когда-то бандитом, так им и остался...

– Никому! Железно! Могила! Век воли не видать! – поклялся за всех Атаманов. – Сол Борисыч, а почему из-за этого шухер такой? Подумаешь – запах...

– Запахи, Сережа, могут быть весьма опасны, – серьезно заметил Шампоровский, возвращая пузырек на место под шляпой Барона. – Тем более незнакомые. Это может быть неизвестный яд... какой-нибудь психотропный препарат, воздействующий на психику человека. Между прочим, вся эта ваша афро-бразильская магия основана именно на влиянии растительных запахов и наркотических средств! Представьте себе, человеку во время макумбы...

– Чего-чего?! – слово показалось Полундре знакомым. Кажется, Пашка что-то такое рассказывал вчера...

– Макумба – это богослужение в Бразилии. Когда поклоняются именно таким товарищам. – Шампоровский небрежно похлопал Барона по цилиндру. Юльке показалось, что Самди в ответ недовольно оскалился, и она на всякий случай отодвинулась в сторону. Под руку ей попался шарф Терезы, и Юлька машинально принялась перебирать пушистые белые и черные кисти. Антиквар тем временем продолжал рассказывать:

– Понимаешь, Юля, суть макумбы в том, что собравшимся людям являются их божества и дают советы или помогают. Иногда просто веселятся и танцуют вместе с ними.

– Как это – являются божества? – недоверчиво спросил Атаманов. – Прямо с облаков сходят?

– Нет, разумеется. Обычно божество впускают в себя его жрецы – так называемые «дочери» или «сыновья» святого. Они принимают приготовленное специально снадобье... вроде этого вашего «рома». Или вдыхают запах определенных растений – и входят в транс. После чего и зрителям, и им самим кажется, что в них вселилось божество.

– А на самом деле?..

– Мое мнение – на самом деле это просто влияние на психику наркотического средства, – жестко ответил Шампоровский. – Поэтому я и не хотел, чтобы вы это нюхали.

– Ой! – вырвалось у Полундры. – Так это я могла стать Бароном Самди?!

– Не, Бароном – я! – ухмыльнулся Атаманов. – А ты – Мамой Бриджит!

– Сергей, не смешно, – буркнул Шампоровский. – Вы все-таки еще дети! И то, что для здорового негра из Рио-де-Жанейро – нормально, для вас могло бы быть... бр-р-р! Да меня Рахиль просто-напросто убила бы! И была бы совершенно права! Между прочим, вы дали слово, что...

– Да помним, помним! Никому не скажем! – Юлька нахмурилась. – Сол Борисыч, но вы ведь сказали, что Барон – наш, местный! Ну, липовый с нефритами! Значит, делали его здесь, в России! Ведь на Кубе липа не растет? И в Бразилии тоже?

– Не растет, – авторитетно подтвердил Шампоровский.

– Так откуда же у него кубинская отравка? Может быть, это все-таки духи?

– Не знаю, не знаю... – Антиквар задумался. – Вот что, молодежь. Давайте-ка вы оставите пока этот пузырьчек у меня. Отсюда он никуда не денется, даю слово. А я попробую по своим каналам его проверить. Есть у меня один знакомый в химической лаборатории... Я уверен, лишних вопросов он задавать не будет. Но пусть это останется нашим секретом! И Рахиль об этом...

– ...Не узнает ничего и никогда! – заверила Полундра. – Спасибо, Сол Борисыч!

– А если еще чего сшурупить надо будет – звоните! – пробасил Батон. – Приеду с инструментом и в два счета соберу! Фирма гарантирует!

– Так! – грозно сказала вдруг Полундра. – Пацаны! Кто умудрился на чужой шарф своим ботинком грязным наступить? Посмотрите, на что бахрома похожа! Слиплась вся!

В комнате повисло озадаченное молчание.

– Никто не наступал, – неуверенно сказал наконец Атаманов. – Он же вокруг Барона завернут был. На землю не падал. И вчера в электричке, кажется, на лавку упал... Он что – изгвазданный?

– Еще как! – Юлька возмущенно воздела шарф вверх. Свет лампы упал на него – и Полундра, панически пискнув, уронила шарф на пол. То, что показалось ей грязью, оказалось пучком черных перьев, привязанных к одной из длинных кистей черным шнурком с бусинами. Когда Юлька, опомнившись, подняла шарф и принялась рассматривать перья, оказалось, что концы их выпачканы в какой-то бурой жидкости.

Вечером все собрались у Полундры. За окном мело. Под горящей лампой, помахивая хвостом, блаженно растянулась Мата Хари. В углу комнаты мерцал компьютер, по клавиатуре которого бешено стучал Пашка. Юлька широкими шагами расхаживала по комнате и голосом агента Тайгера обобщала данные:

– Значит, что у нас выходит на круг, парни... Во-первых, наша Тереза сама занимается вуду! Может быть, даже реальная колдунья!

– Это почему еще? – мрачно проворчал Батон. – Обыкновенные перья, петушиные, по моему... У Пантелеича по двору такой же петух носится! И если я у него полхвоста выдеру и на шарф привяжу – так я тоже колдун буду?!

– Соня, скажи этому балбесу!

– С одной стороны, может, и глупости... – Соня разглядывала лежащий перед ней на столе шарф, явно не рискуя взять его в руки. – А с другой... Понимаете, в моей книге сказано: если колдун вуду хочет принести вред кому-то, он действует именно так. Перья черного петуха, омоченные в крови...

– Чьей?!

– Н-не знаю, – нервно сказала Соня. – Может, петуха, может, жертвы... Ну, и лента или веревка, заговоренная особым образом... Это называется, кажется, билонго. И незаметно подкладывается человеку, которому хочешь навредить. Тьфу, дети, во что вы только влезли!!! Гадость какая...

– Стоп, но ведь это не Тереза подложила! – завопил Батон. – Это, получается, ей подложили! Ведь это ее шарф, он у нее на голове был!

– Не факт, – заметила Полундра. – Может, она готовилась его кому-то подсунуть.

– Глупости, – фыркнула Белка. – Перья подсунуть легче, чем целый шарф. Сама подумай – это билонго можно незаметно в карман подложить, в рюкзак, даже вон к одежде привязать! А шарф?! Если ты вдруг у себя чужой шарф найдешь, ты что, его носить будешь? Нет, конечно! Выкинешь или на забор повесишь! Вместе с билонго... Нет, это на нее кто-то порчу наводил!

– Значит, кто-то сильно хотел ей навредить, – медленно сказала Юлька. – Про билонго это Терезка, может, и не знала, но про врага – точно чуяла! А то с чего бы она такая зареванная была?

– Неужели это работает?.. – вполголоса спросила Соня. Ответа не было ни у кого. Натэла и Белка с ужасом смотрели на шарф. Даже Полундра как можно незаметнее отодвинулась от него в сторону.

– Надо выкинуть эти перья! – решительно сказала она. – Кто знает, может, они того... продолжают... О-о, а я-то этот шарф целый день в сумке протаскала! Вот почему у меня по контроле трояк!

– Трояк у тебя потому, что голова пустая! – ехидно вставил Пашка. – Я тебе полночи сокращение кубических уравнений объяснял, и все коту под хвост!

– Если б не объяснял – вообще бы кол был! – буркнула Полундра. Но взять в руки шарф все же не рискнула. – Давайте эту фиговину спалим лучше! Пашка, у тебя зажигалка есть?

– Кто же это вещдоки-то палит?! – возмутился Пашка. Встал, осторожно отвязал билонго от кисти шарфа и под дружное «ах!» девчонок сунул его в карман.

– Пашка, может, не надо?.. – простионала Полундра. – Как бы не вышло чего...

– Нас, хакеров, на пух и перья не возьмешь! – гордо сказал Пашка. – Вот уж не знал, что тут все нервные такие... Юлька, от тебя вообще не ожидал!

– Во-вторых, Барону Самди кто-то отпилил вторую половинку! – торопливо проговорила Юлька. – Предположительно, собутельника!

– Или собеседника, – вставила Соня.

– Можно и так. Никаких больших денег Барон не стоит, делали его не на Кубе и не в Бразилии, а у нас. Делали недавно. Но очень хорошо. Сол Борисыч сказал, что это настоящее произведение искусства! Хоть и страшненькое... Вопрос – кто мог в России так хорошо знать про макумбу или вуду?

– Да кто угодно, – пожалала плечами Натэла. – Соломон Борисович же знает. Пашка знает. Мы теперь тоже немножко знаем.

– Пятнадцать лет назад Интернет еще не так развит был... – задумчиво сказала Соня. – Тот, кто сделал Барона, наверное, или сам был на Кубе, или всерьез ей интересовался...

– И не обязательно на Кубе! – заметила Белка. – В Бразилии тоже это все есть! И на Гаити! И в Перу! В Южной Америке, короче!

– Вопрос третий. – Полундра взъерошила обеими руками рыжие волосы. – Если Барон – просто произведение искусства, на фига было вкручивать ему в башку колбу с ядом?

– Юля, с каким еще ядом?! – возмутилась Соня. – Соломон Борисович, кажется, вам сказал, что это просто неизвестный ему запах! Это в самом деле может быть что угодно – духи, эфирное масло, мало ли что еще...

– Ну да, духи... – проворчал Атаманов. – Запах такой, что мамонта с копыт сшибет!

– У мамонта не бывает копыт, – машинально поправила Натэла. – Сережа, а запах был приятный?

– Приятный?.. – ошарашенно переспросил Атаманов. – Я не помню. Нас Шампоровский сразу же из комнаты выкинул и окно распахнул. Полундра, ты ближе всех сидела! Приятно было нюхать?

– Не... не особо, – поморщилась Юлька. – На сигареты похоже, только очень крепкие. И какая-то тухлятина... Нет, точно не духи.

– Отрава! – убежденно сказал Батон.

– Кого травить-то? – пожала плечами Юлька. Ответа на этот вопрос не нашлось ни у кого.

– Таким образом, про Барона ничего не ясно. Кто его делал? Зачем? Почему отпилили вторую половину? Что в колбочке такое вонючее налито? И как это с билонго связано?

– Главное – где его взяла Тереза и куда везла? – Натэла присела на диванный валик, поджав под себя ноги. – Мне кажется, это все-таки не ее вещь. Вы помните, что девочка была заплакана? А как только я заговорила о Маме Бриджит – совсем испугалась! Сбежала так быстро, что даже забыла рюкзак!

– Может быть, она его нарочно бросила? – предположил Атаманов. – Может, избавиться хотела?

– Когда хотят избавиться – бросают в реку с моста. Или в мусорный бак! – пожала плечами Натэла. – А не таскают тяжеленный рюкзак за собой по электричкам!

– Интересно, знала она или нет, что у Барона внутри? – задумчиво спросила Белка. – И про то, что вторая часть отпилена?

– В любом случае – нужно найти эту Терезу! – важно заявила Юлька. – Через Барона не вышло – нужно, значит, через книжку! Как-то же она ей в руки попала? Пашка, ну что там у тебя с Вадимом Аскольским, нашел?

– Думаю, что вот этот. – Пашка отодвинулся от компьютера и устало потер пальцами глаза. – Я его набирал со словами «Куба», «Бразилия», «макумба», «кандомбле», «Барон Самди», «Институт иностранных языков»... ну, и кое-что нарисовалось. Смотрите сюда. Это его собственный сайт.

Все сгрудились вокруг экрана. И тут же над компьютером взметнулся восхищенный девичий вздох:

– Ой, какой краси-и-ивый!..

– Девицы, ему уже под сорок, и для вас он древний дед! – постным голосом сообщил Пашка. – Королева моя, а ты что на него смотришь такими глазами?!

– Полторецкий, почему я не имею права посмотреть на красивого человека?! Да, и в самом деле хорош... – Соня улыбнулась, глядя на экран. – Думаю, женщины на него вешаются гроздьями до сих пор!

С монитора на них смотрело смуглое, немного жестковатое, с резкими чертами лицо темноволосого мужчины в перепачканной красками футболке. Серые глаза слегка щурились из-под густых бровей. Через скулу тянулся едва заметный шрам.

– На разведчика похож... – сладко вздохнула Белка. – На этого... Джеймса Бонда, вот! Прямо в боевике снимать можно... Паш, посмотри, а жена у него есть?

– Гринберг, у него жена умерла десять лет назад! – напомнил Батон.

– Ой! Сто раз мог еще жениться! Лапочка такая!

– Не вижу никакой жены... – Пашка всматривался в строчки текста. – Ага, слушайте! Кажется, это то, что нам надо! «Вадим Аскольский окончил Московский институт иностранных языков и лингвистики, специализируясь на бразильской литературе. Известен как переводчик художественных текстов и искусствоведческих статей. Также широко знаменит своими полотнами и скульптурами на тему бразильской макумбы. Ему принадлежит скульптурная группа «Жены Шанго» и полотно «Гнев богини Янсан», которое было куплено послом Бразилии для своей резиденции на Кубе. Критикой весьма доброжелательно отме-

чены выставки Вадима Аскольского в Бразильском культурном центре. Его картины характеризуют яркие и контрастные тона, напоминающие африканский «наив», цельные образы богов и богинь, эмоциональный колорит и любовь к жизни во всех ее гранях».

– Действительно! – восхитилась Соня, рассматривая сменяющиеся на мониторе фотографии картин Аскольского. Яркие сочетания белого и зеленого, красного и черного, желтого и голубого радовали глаз. Африканские лица улыбались и плакали, великолепные женщины поднимались из морской пены. Черные атлеты в ритуальных одеждах вздымали мечи. Обнаженная жрица бежала под полной луной, прижимая к себе ребенка... На эти таинственные, полные жизни и силы картины хотелось смотреть снова и снова.

– Я искал Барона Самди и Маму Бриджит, но не нашел. Хотя может быть, что на сайте их просто нет. Выходит, что этот Вадим Аскольский не только переводчик, но и художник. И скульптор! Хотя ни Строгановки, ни Суриковского не оканчивал. Зуб даю, что нашего Барончика делал он! Вполне в его стиле...

– Посмотрите, опять фотография! – воскликнула Соня. – Полторецкий, останови! Вот! «Вадим Аскольский работает с натурщицей».

На фотографии Аскольский был снят со спины, а почти весь кадр занимала черная женщина, стоящая перед художником на низком табурете и завернутая в простыню. Волосы ее были завязаны в высокий узел. С замкнутого, сумрачного лица смотрели чуть раскосые светлые глаза.

– Красивая... – прошептала Соня. – Но какая-то... отталкивающая. Очень неприятный взгляд. Но фигура прекрасная, нечего сказать, – настоящая натурщица! Там не написано, кто она?

– Нет. Какая-нибудь студентка из института Лумумбы... Хотя для студентки старовата. Да бог с ней! Зато!!! – Пашка выдержал театральную паузу и щелкнул мышью, открывая следующую страницу. – Вуаля! Встречайте! Наша Тереза!

Тут спрыгнул с подоконника даже Атаманов. И вместе со всеми изумленно воззрился на фотографию Вадима Аскольского в обнимку со смеющейся Терезой.

– Она? Точно она! – довольно сказал Пашка, откидываясь в кресле. – И вот подпись: «Вадим Аскольский с дочерью»! Ну, королева моя, что скажешь? Я гений?!

– Ты безнадежный пижон, – машинально ответила Соня.

– Так, значит, Терезка – дочь художника Аскольского?! – завопила Полундра. – Вот это да!!! Вот это да!!! Правильно, у нее же мать была африканка! А отец белый! А сама она – мулатка! Все сходится!!!

– Скорее всего мать ее была не африканка, а черная бразильянка, – задумчиво сказала Соня, вытесняя из-за компьютера опешившего Пашку и усаживаясь перед экраном сама. – Тереза изучает португальский язык, занимается капоэйрой, играет в пьесе Жоржи Амаду... Это все Бразилия, а не Африка!

– Но ведь библиотечарша в институте сказала, что мать Терезы была из Африки! – напомнила Белка.

– Библиотечарша могла забыть или вовсе не знать! Чернокожая – значит, африканка, все почему-то так думают! А в Бразилии черных людей – половина населения! И на Кубе, и в Америке! Более того... – загадочно улыбаясь, Соня закрыла сайт Вадима Аскольского, пробежалась пальцами по клавишам, и на мониторе загорелись красочные, искрящиеся буквы: «Бразильский культурный центр в Москве! События и мероприятия декабря!»

– Сейчас найду, – бормотала она, не замечая удивленных взглядов ребят. – Так... «Курсы бразильского португальского»... Выставка «Бразильские художники в Москве»... «Творческий вечер Эсмералды Альварес»... «Концерт «Огни Сан-Паулу»... Ага, вот! «Новогодний спектакль молодежной театральной студии – «Тереза Батиста, уставшая вое-

вать!» По мотивам произведений Жоржи Амаду! Спектакль идет на португальском языке! В роли Терезы Батисты, а также Янсан, богини битвы, – Тереза Аскольская!»

– Сонька, ну как ты додумалась?! – восхищался Пашка, когда все уже сидели за столом и дружно уминали Натэлин грибной пирог. – Ты же еще не знала, что Тереза – дочь Вадима Аскольского? На него мы с дедом всего час назад вышли! А ты, значит, вместо того чтобы зубрить свою теорию композиции, висела в Интернете? Шелупонь, и эта девушка еще меня ругает за легкомыслие! Где справедливость?!

– С кем поведешься, от того и наберешься, Полторецкий! – парировала Соня. – А «висела в Интернете» я ровно две минуты – в отличие от тебя! Понимаешь, я вчера так и не смогла понять, зачем было Терезе вас обманывать со своей школой. Мы ведь выяснили, что никакой школы иностранных языков с изучением португальского на Таганке нет! И Дома культуры тоже не нашли. Тем не менее Тереза вас приглашала на свой спектакль! К чему ей было выдумывать такое? И я просто наудачу забила в поисковик «Таганка, спектакль, декабрь, Жоржи Амаду». И сразу высветился Бразильский культурный центр! А дальше было совсем просто...

– Богиня дедукции! – провозгласил Пашка и сунулся к Соне с поцелуем. Та отмахнулась от него куском пирога:

– С ума сошел! Дети кругом!

– Твои дети давно уже сами... – обиделся было Пашка, но его перебил трубный вопль Полундры:

– Все, парни, расследование закончено! Завтра едем в тот культурный центр, возвращаем Барона и знакомим Терезку как следует с нашим Андрюхой! Он как раз и похудеть за это время успел! Немножко... Батон, выплюнь пирог немедленно, в нем калорий через край!!!

– Юлька, Юлька, не пори горячку! – чуть не поперхнулся Пашка. – Батон, жуй спокойно, такими пирогами не плюются! Что шоколадка наша нашлась – это, конечно, здорово, но... Предположим, вернем мы ей Самди и шарфик. Тереза нам скажет спасибо, мило улыбнется, она девочка воспитанная... И – адьос, команданте! Больше мы ее никогда не увидим! А вот я бы сначала выяснил состав жидкости. Ну, той самой, из Барона. В колбочке. Очень мне интересно – знала Тереза про нее или нет? И если не знала, то почему такая перепуганная была? А вдруг там в самом деле яд? Соня, а что ты ахаешь? Думаешь, не может быть? И потом, если Барона в самом деле сделал отец Терезы – откуда она его тогда волокла? Ведь шоколадка наша не из Москвы, а в Москву ехала! Она же села в Апрелевке, правильно? И везла ценную статуэтку с ядом в башке! А в шарфе у нее торчало билонго, про которое она скорее всего не знала! Но догадывалась, поскольку была на грани нервного срыва! Нет, что-то тут еще нечисто...

– Я думаю, в Терезу кто-то влюбился! – азартно предположила Белка. – И захотел приворожить! И привязал это билонго! Юлька, ну что ты меня пихаешь?! – она покосилась на мрачно засопевшего Батона, умолкла на полуслове и неуверенно закончила: – А может быть, и нет... Может, это просто амулет такой, на счастье. Или там, чтобы деньги водились...

– Если в доме нету денег, привяжите сзади веник! – презрительно скривился Атаманов. – Гринберг, ты с ума сошла? Все-таки не при царе Горохе живем, чтобы такими методами бабки зашибать! Если бы это работало... О-о, я бы три петушиных хвоста к штанам привесил и по школе рассекал бы! И мать бы с работы забрал...

На воображение Полундра никогда не жаловалась и, моментально представив себе Атаманова в петушиных перьях, захихикала. Улыбнулась даже Натэла.

– Наверное, в самом деле лучше дожидаться, что Соломон Борисович скажет, – задумчиво произнесла Соня. – И сходить, конечно, на этот спектакль. И там уже действовать по ситуации.

– А когда спектакль?

– В пятницу вечером, в пять часов. Это уже послезавтра! Сережа, Андрей, у вас, я надеюсь, галстуки имеются?

– Упс... – придушенно проговорил Батон. Атаманов мрачно засопел, покосился на хитро улыбающуюся Натэлу, вздохнул и буркнул:

– Отыщем, если надо.

– Жаль, что в Терезиной книге так мало информации, – вздохнула Соня. – Я всю ее еще вчера просмотрела и ничего не нашла. Знаете, в старых книгах иногда попадаются листочки, бумажки, закладки какие-то забытые... Я однажды нашла в учебнике по сольфеджио рецепт рыбы-фиш, который мама еще до свадьбы записала! Может быть...

Закончить Соня не смогла: Юлька вдруг завопила так, что Мату Хари вихрем смело со стола, а у Пашки замигал монитор.

– А-а-а-а!!! Была!!! Закладка была! У Терезы в книге закладка была! Я точно помню! Она ее аккуратненько так положила, когда эти гопники в вагоне к ней вязаться начали! Я еще удивилась: крутая какая девчонка, ничего не боится! На нее наезжают в упор, а она спокойненько закладочку в книжку кладет! Братва, вспоминайте, куда та закладка делась?!

– В-выпала! – икнув, ответила Натэла. – Юля, что ж ты так кричишь, чеми дэда... Я чуть чай на себя не вылила!

– Ну да! Точно! Выпала на пол! – продолжала воодушевленно орать Полундра. – Когда эта Тереза от нас стартанула! Книга упала на лавку, а закладка с шарфом – на пол! И... и... девчонки, кто ее поднял?!

– Ты, Юль... – чуть слышно пискнула Белка. – И сунула в карман...

Полундра, роняя стулья, с грохотом помчалась в прихожую. Вскоре оттуда донеслись треск и ругань: Юлька прокапывалась сквозь завалы одежды на вешалке к собственному пальто. В комнате снова воцарилась напряженная тишина: все сидели и ждали.

– Не понимаю, к чему столько шума, – наконец рискнула высказаться Соня. – Мало ли чем закладывают книги... Билет на метро или салфетка, только и все...

Но в этот миг Юлька ворвалась в комнату, взбудораженно потрясая измятым клочком бумажки.

– Вот!!! Нашла!!! Под варежкой! Промокла малость, но все видно! – Она бросила бумажку на стол, и семь голов склонилось над ней. Раздался дружный вздох. Натэла медленно и торжественно прочла:

– «Древняя африканская магия. Все виды приворотов, снятие порчи. Связь с мертвыми. Возвращение супружеской любви. Позвоните в офис Мама Бриджит, и вы забудете о своей беде!»

А в верхнем углу красовалась фотография колдуньи в белом тюрбане. Взглянув на нее, Соня медленно выговорила:

– Этого не может быть. Боже мой, Полторецкий, это же натурщица Аскольского! С его сайта! И ее офис находится... в Апрелевке!

...Актриса театра драмы Нино Вахтанговна Мтварадзе вернулась домой в первом часу ночи. Огромная квартира спала, из комнаты сына с невесткой доносился раскатистый храп, из спальни напротив слышалось детское сопение. Только в самой дальней комнатке, где спала старшая внучка, еще горел свет. Нино Вахтанговна повесила сушиться мокрую от снега шубу, стянула сапоги (в свои семьдесят восемь лет она еще с удовольствием носила каблуки) и решительно направилась в сторону Натэлиной спальни.

– Натико, я что, уже впала в маразм и путаю дни недели? Сегодня у нас что – выходной?

– Нет, среда, – улыбнулась Натэла из постели. Она сидела под одеялом, с толстой книгой на коленях.

– Почему ты тогда не спишь? Или я опять все забыла, и у вас уже каникулы? А... почему я тогда не играю Бабу-ягу на Кремлевской елке?! У меня же контракт!

– Бэбо, до каникул еще неделя, не беспокойся. – Натэла отложила книгу. – Скажи... как ты думаешь... магия существует?

Нино Вахтанговна перестала улыбаться. Присев на край постели внучки, мельком взглянула на обложку ее книги. Глаза у старой актрисы были еще достаточно острыми, и она без труда прочла название: «Магия вуду».

– Натико, я надеюсь, ты не связалась с какой-то сектой? – в голосе бабушки послышалось беспокойство. – Эти люди могут быть очень опасны, и...

– Бэбо! – возмутилась Натэла. – Как ты можешь думать!..

– О-о-о, еще как могу! Я в твоём возрасте творила такое, что если бы мама с отцом хоть половину знали... вах! Натико, это в самом деле секта?!

– Ты всегда предполагаешь худшее!

– ...И поэтому очень редко ошибаюсь! Девочка моя, или ты немедленно рассказываешь все – или я перенервничаю! И не смогу завтра играть спектакль! И меня уволят из театра как помешанную старуху, которая путает текст и не слышит реплик партнера! И мне придется зарабатывать на жизнь в гардеробе театра, выдавая номерки!!! Ты этого хочешь, дитя мое?!

– Не хочу, – вздохнув, ответила внучка. – Хорошо, слушай.

– ...И как ты думаешь, это может быть на самом деле? – закончила свой рассказ Натэла. – Вся эта магия Мамаы Бриджит? И билонго, и кровь на перьях? Что, если Тереза обратилась к колдунье? Или кто-то ее сглазил? Или заколдовал? Бабушка, почему ты молчишь?

Старая актриса молча смотрела в темное окно. Огонек лампы отражался в ее темных глазах.

– Не знаю, девочка моя, – наконец сказала она. – Дожив до моих лет, понимаешь, что на свете может быть абсолютно все. Если люди могут верить в Бога, почему бы им не верить в магию? Ведь если есть Бог – стало быть, и дьявол где-то имеется? А от дьявола до магии недалеко ходить...

Нино Вахтанговна умолкла, поправила колпачок лампы, мельком провела ладонью по волосам внучки. Подумав, произнесла:

– Знаешь, в Тбилиси, в Верийском квартале, где я выросла, у нас была соседка. Ее все звали безумная Маро. Она не так уж стара была... в молодости даже слыла красавицей. Но во время революции у нее убили всю семью, и она помешалась. Так вот – Маро удивительно ловко предсказывала будущее! И лечила детские болезни! Стоило какому-нибудь малышу в квартале чихнуть или пожаловаться на живот, как его мать уже свешивалась из окна во двор и кричала: «Маро! Зайди к нам!» Безумная Маро никогда не отказывалась. Приходила, помню, улыбалась, говорила: «Живи сто лет, что у тебя болит?» Клала свою руку на больное место... и через какое-то время боль уходила! Куда Маро потом пропала – я не знаю... да по молодости лет и не очень этим интересовалась. Но вот что я точно помню – она никогда не брала за свои услуги денег. Даже сердилась, когда ей предлагали. Сесть за стол, выпить вина никогда не отказывалась, но с собой ничего не уносила. Говорила: «Если я возьму – боль вернется». И, кажется, не было случая, чтобы безумная Маро не справилась. Но никого, кроме детей, она не лечила, говорила, что только дети безгрешны...

– Ты раньше мне никогда об этом не рассказывала, – задумчиво сказала Натэла. – Значит, такое все-таки бывает?

– Бывает... но очень редко, – вздохнула бабушка. – Как любые исключительные способности. Все, как у нас в театре: бездарностей – сколько угодно, и каждая во все горло о себе кричит. А подлинных талантов – счесть по пальцам! А когда я умру – вовсе никого не останется!

– А эта Мама Бриджит из Апрелевки – настоящая?

– Убеждена, что нет! – отрезала Нино Вахтанговна. – Судя по этой бумажонке, про которую ты рассказываешь... Кажется, там она предлагает любовный приворот?

– Да... а что?

– Натико, я не знаю, существует ли такая магия или нет. Но привораживать к себе человека, который тебя не любит, – значит насиловать его волю, а это огромный грех! Никогда, никогда нельзя делать этого! И неважно – есть Бог, который накажет за это, или нет! Воля чужого человека – священна, и прикасаться к ней никто не имеет права!

– Да, я поняла, – тихо сказала Натэла. – Неужели... неужели Тереза сделала это?

– Не думаю. Обычно такие амулеты навязывают не на себя, а на того, кого хотят приворожить. Скорее всего это в вашей Терезе кто-то был сильно заинтересован... Но, как хочешь, не верю я в магию, которая делает себе рекламу на таких дурацких бумажках! И берет за это бешеные деньги! Думаю, Натико, эта Мама Бриджит – обыкновенная шарлатанка! А рекламку Терезе могли просто сунуть в метро.

– А по-моему – слишком большое совпадение! – нахмурилась Натэла. – Посмотри сама: древняя африканская магия – Мама Бриджит – Тереза, которая до смерти испугалась, когда я заговорила о магии – билонго, Барон Самди... Все подтверждает версию о том, что здесь замешана макумба!

– Вот сколько раз я просила Резо – никогда не говори о делах при детях! – горестно заметила бабушка. – Мало того что сам пошел в оперативники, а я-то хотела, чтобы он стал оперным певцом! Так теперь еще и морочит голову дочке! Натэла, не вздумай собираться по отцовским стопам, ты будешь поступать в театральное!

– Ничего папа мне не морочит! А насчет театрального я еще ничего не решила! Бэбо... Скажи, а как бы можно было это все проверить?

– Вашу Маму Бриджит с рекламки? – старая актриса задумалась. – Что ж... Я, конечно, могу явиться к ней в Апрелевку и изобразить старую маразматичку, которой мерещатся инопланетяне в холодильнике. А может быть... Хм-м-м... Так! Как ты думаешь, у Гринбергов еще не спят? Мне срочно нужна их Соня!

– У нее завтра зачет по композиции, она не спит, готовится! – Натэла спрыгнула с кровати и схватила трубку телефона. – Звони, бэбо!

Офис колдуньи Мамы Бриджит располагался в тихом переулке подмосковного городка, в старом доме на первом этаже. В четверг, около пяти часов вечера, возле дома остановилась белая «Волга».

– Соня, Нино Вахтанговна, поосторожнее там! – предупредил сидящий за рулем Пашка. – Мало ли на что эта Мама Бриджит способна! Еще перетравит вас...

– Не беспокойся, мальчик, мы тоже не лыком шиты! – старая актриса величаво выбралась из машины. – Поезжай спокойно, помой машину! Если мы освободимся раньше, то позвоним и подождем тебя в кафе. Если что – я буду кричать! Не забудь, у меня сценическая постановка голоса, меня и в Москве будет слышно!

Дверь посетительницам открыла негритянка лет тридцати пяти в традиционном пестром платье и белом тюрбане на голове. Она была ослепительно хороша собой. Правильные, точеные черты темного лица, спокойный, прямой взгляд, гордо поднятая голова делали черную красавицу похожей на королеву. Соня и Нино Вахтанговна переглянулись. Это не была натурщица Аскольского.

– Добрый вечер. Вы по записи к госпоже Бриджит? – сильным, звучным голосом без всякого акцента спросила по-русски негритянка.

– Да, деточка... – испуганным, дрожащим голосом ответила Нино Вахтанговна. Для предстоящей операции она облачилась в старое пальто с вылезшим меховым воротником и мышинового цвета беретик. Образ довершали огромные очки со сломанной дужкой и потрепанная клеенчатая сумочка. – Мы как раз по записи... Звонили вчера и договаривались... Сонечка, ну что же ты опять плачешь, ты же обещала! Ну не надо, деточка, не надо, что о нас с тобой подумают... Ты хотела сюда прийти – и мы пришли, теперь все будет хорошо!

Но Соня безутешно всхлипывала в скомканный платочек.

– Последняя надежда на Маму Бриджит... – сдавленно сказала она негритянке в тюрбане. – Мне говорили, она... она может сделать чудо... А мне так надо, необходимо... Иначе я просто отравлюсь! Я не могу больше, не могу, не могу!!!

– Сонечка, деточка, успокойся, успокойся, умоляю тебя! – закудаhtала Нино Вахтанговна.

– Не волнуйтесь, моя дорогая! – красивая негритянка обняла девушку за плечи. – Мама Бриджит поможет вам обязательно! Ни разу не было, чтобы она не смогла помочь! Проходите, раздевайтесь! Ваша бабушка подождет вас здесь... Хотите чаю, госпожа? Я сейчас доложу, и Мама Бриджит вас примет!

Секретарша удалилась в глубь квартиры. Соня мгновенно перестала рыдать и с любопытством осмотрелась по сторонам.

– Не останавливайся, девочка, – чуть слышно велела Нино Вахтанговна. – Ни в коем случае не переставай плакать... Или хотя бы всхлипывать! Кто бы ни была эта Мама Бриджит, пусть она лучше принимает тебя за глупую истеричку, чем за шпионку.

– Да, я поняла...

– Умница! И помни – ничего не пить, ничего не брать в рот, даже если будут настойчиво предлагать! Если почувствуешь сильный незнакомый запах – дыши через платок. А лучше – кричи, что тебе плохо, и беги вон из комнаты! Когда окажешься снова в приемной, смело можешь лишаться чувств!

– А вы?..

– Попробую сходить на разведку. Здесь еще... – Старая актриса не договорила: из-за двери вновь показалась секретарша, похожая на королеву.

– Софья Гринберг, правильно? Проходите, Мама Бриджит ждет вас.

Соня, не переставая трагически шмыгать носом, удалилась вслед за пестрым платьем. Нино Вахтанговна некоторое время сидела на диване, неприязненно разглядывая деревянную африканскую маску на стене. Маска была хмурая, бровастая, с широко открытым ртом и оттопыренными ушами.

– Вылитый наш завтрупой на худсовете... Потрясающее сходство! – пробормотала Нино Вахтанговна. – Украсть и подарить ему на Новый год?..

Из-за закрытой двери не доносилось ни звука. Старая актриса решительно поднялась, дошла до другой двери в конце коридора, нажала на ручку и шагнула внутрь.

Там оказалась обычная комната самой обычной квартиры. Ни африканских масок, ни пестрых ковров, ни курильниц с резким запахом. Большой шкаф с зеркальными дверцами, полки с книгами, диван, застланный уютным клетчатый пледом, на котором лежал раскрытый гляцевый журнал. На столике у зеркала стояла тарелочка с очищенными орешками. Там же валялись брошенные ключи от машины, начатая пачка сигарет и борсетка с документами. Быстро оглядевшись, Нино Вахтанговна вытряхнула из борсетки водительские права и несколько визитных карточек. Через мгновение права были водворены на место, а старая актриса с довольной улыбкой устремила к двери. И вовремя: в комнату заглянула встревоженная секретарша.

– Что вы здесь делаете?!

– Деточка, извините, ради бога... – захныкала Нино Вахтанговна, мгновенно преобразившись в испуганную пенсионерку. – Я, видите ли, пошла искать туалет... мне так неудобно... Я боялась заглянуть и спросить... Ведь у госпожи Бриджит сеанс магии! Простите, нехорошо вышло...

– Ну, что вы, ничего страшного! – Красивая негритянка взяла старушку под руку, ненавязчиво выпроваживая из комнаты. – Пойдемте, я покажу вам туалет. И принесу чаю, и телевизор включу! Госпожа Бриджит может работать подолгу, вы соскучитесь...

– А сериал про Галкиных еще не кончился?! – оживилась «пенсионерка». – Включите, миленькая, сделайте милость! Ах, как вы любезны...

Тем временем Соня, сидя в темном зале возле полированного стола, украдкой оглядывалась. Казалось, в этой комнате совсем не было окон: лишь смутное свечение угадывалось за тяжелыми задернутыми порттьерами. Стены были завешены догонскими масками и яркими полосатыми ковриками, напомнившими Соне картины Аскольского. Везде горели свечи, по стенам ходили тени. Пахло какими-то пряными, сладкими духами. На столе возвышалось большое зеркало, стояла круглая чаша, полная воды, лежали мелкие белые ракушки, и сердито скалило зубы деревянное изображение какого-то бога.

– Моя дорогая... – мягкий грудной голос заставил Соню отвлечься от созерцания злой физиономии божка. – Моя дорогая, хотите рассказать Маме Бриджит о своей печали? Или вам трудно говорить, и я все скажу сама?

Соня подняла глаза – и вздрогнула. Напротив, в ярко-желтом одеянии и белейшей повязке на волосах сидела черная женщина с рекламной открытки. Натурщица Вадима Аскольского. На вид ей было около сорока лет. Изящные пальцы были унизаны кольцами, на тонких запястьях поблескивали браслеты. Чуть раскосые светлые глаза пристально смотрели на Соню. Женщина улыбалась, но во взгляде ее Соне снова почудилось что-то недоброе. Вблизи это ощущение оказалось еще сильнее. Преодолев минутный испуг, девушка громко высморкалась и нерешительно пробормотала:

– Ах, мне так трудно говорить...

– Хорошо, – улыбнулась Мама Бриджит, и улыбка ее еще больше напугала Соню. – Я сама увижу вашу судьбу в зеркале Ифа. Закройте глаза, девочка моя, и не думайте больше ни о чем. Я помогу вам, и ориша³ вознесут вашу судьбу на небеса.

Через час Нино Вахтанговна и Соня пили чай с пирожными в кафе напротив дома Мамы Бриджит. Молодая официантка разлила ароматный напиток по чашкам, придвинула Соне блюдо с эклерами, а Нино Вахтанговне – пепельницу, улыбнулась и исчезла.

– Соня, ничего, если я закурю? Знаю, дурная привычка, но в мои годы завязывать смешно... Итак, что с этой колдуньей? – затянувшись сигаретой, спросила старая актриса.

– То, что мы с вами и предполагали, – брезгливо пожала плечами Соня, откусывая от эклера. – Ум-м, как вкусно... Где это Полторецкого носит? Надо ему немного оставить... Самая обычная аферистка эта Мама Бриджит.

– Ты ей рассказала то, что мы сочинили?

– Она вздумала рассказать мне все сама, – поморщилась Соня. – И начала вещать о том, что меня бросил женатый возлюбленный, что он для меня единственный-ненаглядный, что я готова утопиться и вообще не могу без него жить!

– А ты?

– Кивала и редела, как вы велели. Кажется, убедительно. Собиралась даже упасть в обморок, но боялась переиграть.

---

³ Ориша – божества религии кандомбле.

– И правильно! Ты ничего не пила?

– Нет, хотя она предлагала какой-то странный чай. Пахло отвратительно. Я его тихонечко вылила в карман... ужас, теперь вся юбка мокрая! А потом она гадала мне на раковинах, на картах, на зеркале... Взяла с меня двести долларов и сказала, что через неделю чужой муж ко мне вернется. Предлагала купить амулет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.